

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алексей
ВЯЗОВСКИЙ

Я СПАС СССР
ТОМ II

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Алексей Вязовский
Я спас СССР. Том II

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вязовский А. В.

Я спас СССР. Том II / А. В. Вязовский — «Эксмо»,
2020 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-110926-4

Второй шанс пожилого учителя истории. Его Родину уничтожили, его народ вымирает. Пути назад нет, надо спасать страну. Пленка с планами заговора, попавшая в руки комсомольца Русина, заставляет его ступить на тропу войны. Вопрос «на чьей он стороне» не актуален – ему точно не по пути с людьми, готовыми убить Хрущева ради собственных амбиций. Но готов ли сам Русин пролить кровь заговорщиков ради спасения страны?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110926-4

© Вязовский А. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Вязовский

Я спас СССР. Том II

© Вязовский А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

*Напрасно разум как ни мучай,
грядущих лет недвижна тьма,
рулетку жизни вертит случай,
смеясь убожеству ума.*

И. Губерман

– Ну же! И раз, и два!

Я давлю на грудь Аджубея, тело мужчины трясется, глаза невидяще смотрят вверх.

«Живи! Не сдавайся! – Продолжаю делать массаж сердца. – И раз, и два...»

Вокруг с ошалевшими лицами бегают сотрудники «Известий», кричат, суетятся... Седов крутит диск телефона, пытаюсь дозвониться до «Скорой», кто-то дергает фрамугу окна, чтобы пустить больше воздуха в кабинет главного редактора газеты. Этот самый редактор сейчас умирает у меня на руках.

А началось все так.

Рано утром 17 июля, прихватив диктофон с пленкой, я помчался в «Известия». На пленке Брежнев, Семичастный и Шелепин обсуждали убийство Хрущева. Компромат убойный, в буквальном смысле. На дворе середина лета 1964 года – а уже в октябре должны снять Никиту Сергеевича и заменить его «дорогим» Леонидом Ильичом. Мирно и без крови. Должны были... если бы не один «корректор реальности» – молодой человек по имени Алексей Русин. Студент журфака МГУ и стажер газеты. А заодно пожилой школьный учитель из будущего.

«Корректор реальности» вообразил себя богом и начал двигать историю по другому пути. Тайно слил английской журналистке выдуманный компромат на председателя КГБ, добился его отстранения от должности. И вот все покатило к чертям. Заговорщики испугались и пошли по более жесткому пути – решились на убийство главы государства.

Я об этом узнал совершенно случайно. 16 июля приехал записывать мемуары Брежнева – и оставил включенный диктофон, когда к Леониду Ильичу явились друзья-заговорщики. Вуаля, у меня на руках оказалась бомба замедленного действия. Которая, не дожидаясь, рванула в кабинете главного редактора «Известий».

Так что утром 17 июля я уже сидел в приемной зятя Хрущева. Аджубей оказался ранней пташкой – пришел задолго до секретарши. Удивленно посмотрел на меня. Я глубоко вздохнул, решаясь.

– Ко мне?

– Да, Алексей Иванович. – Я сделал шаг вперед, в кабинет. Все, дорога назад отрезана.

Редактор мне сразу показался нездоровым. Одышливый, покрасневший. Явно высокое давление на фоне избыточного веса. К тому же от мужчины ощутимо пахло перегаром – похоже, вчера много пил.

– Ну, заходи, тезка...

Мы вошли в кабинет, Аджубей грузно опустился в кресло за рабочим столом. Я примостился рядом на стуле, поставил на столешницу диктофон «Филипп».

– Прочитай твое интервью Седову. – Редактор закурил, пустил струю дыма в сторону окна. – Надо связаться с Михалковым и попросить его о комментарии. Дадим врезкой к интервью.

– Комментарий про что?

– Как про что? Ты же его слова в гимне СССР поправил? Авторское право у нас еще никто не отменял.

– Допустим, он против. – Я, разозлившись, поднял глаза к потолку. Не о том говорим. Какая ерунда – будут у гимна страны новые слова или нет. Самой страны через двадцать семь лет не станет. А теперь, может, даже раньше. Я потрогал рукой клавиши «Филипса». Пальцы чуть подрагивали.

– Тогда я не знаю, что делать. – Аджубей глубоко затянулся сигаретой. – Без одобрения Михалкова скандал случится.

– Никита Сергеевич уже велел записать новые слова хору Александрова. – Я пожал плечами. – Михалков что, с ним теперь спорить будет?

– Я знаю. – Редактор раздраженно вдавил сигарету в пепельницу. – Брежневу вечно больше всех надо, везде лезет, во все свой нос сует. С гимном надо было сначала ко мне прийти!

Кем себя Аджубей воображает?! Вообще-то Брежнев сейчас – второй человек в государстве... А совсем скоро может и первым стать. Я еще раз тоскливо посмотрел на диктофон.

– Это случайно получилось на приеме у Фурцевой. Экспромтом.

– А нам потом этот экспромт разгрести! Ладно, выкладывай, с чем пришел?

Я побарабанил пальцами по столешнице. Включать пленку или нет? Слишком уж Аджубей слаб и боязлив. В моей реальности он тоже узнал заранее о заговоре, но испугался и ничего не сделал, чтобы спасти тестя. Наверное, я зря с него начал. Ладно, прогонит – пойду к Мезенцеву. Генерал – мой последний шанс.

– Пришел с бедой.

– Ну давай, не тяни кота за яйца.

– Я был у Брежнева дома... записывал его мемуары. И на пленку случайно попал вот этот разговор. – Я нажал на кнопку воспроизведения.

Раздались голоса Шелепина и Семичастного. Аджубей явно узнал их, удивленно поднял брови. По мере разговора челюсть редактора «Известий» поехала плавно вниз, глаза округлились. Он еще больше покраснел, нервно ослабил воротничок рубашки.

– Вот же сволочи!.. Никита вытащил их из грязи, перетащил в Москву, а эти мрази!..

Аджубей начал страшно ругаться. Такого грязного мата даже Русин в армии не слышал. Задражали стекла от крика, редактор еще больше покраснел... Потом вдруг у него посинели губы, он начал хрипеть, схватился за грудь и повалился на пол.

Я бросился к двери в кабинет, заорал: «На помощь!» Аджубей все больше синел, и выхода у меня не оставалось – начал делать ему искусственное дыхание, непрямой массаж сердца. В кабинет сбежались сотрудники, вокруг нас поднялась суета...

Вот так все и началось.

И теперь я давя на грудь Аджубея, а в голове у меня в этот момент почему-то звучит не СЛОВО, а песня британской группы Vee Gees – «Stayin alive». Под ее ритм, оказывается, очень удобно делать массаж сердца.

Наконец-то появляются врачи «Скорой». Мужчина в белом халате расталкивает толпу, наклоняется к телу.

– Что с ним случилось?

– Захрипел, посинел, упал. Вот, делаю массаж сердца и искусственное дыхание.

– Все правильно, продолжай.

Достает стетоскоп. Пока я делаю искусственное дыхание, расстегивает рубашку Аджубея, слушает сердце. Набирает в шприц с большой иглой прозрачную жидкость из ампулы. Колет прямо в сердце. Адреналин? Сотрудники дружно вздыхают.

– Забираем!

В кабинет вносят носилки, перекладывают на них редактора. Тому явно стало получше, кожа немного порозовела, и задышал уже сам. Спустя минуту Аджубей открыл глаза, обвел нас всех мутным взглядом.

– Несем!

Санитары подхватили носилки, двинулись к двери.

– Подождите... – просипел редактор, цепляясь рукой за стул.

– Больной, не мешайте! Вас нужно срочно везти в больницу, вот, пока разжуйте аспирин.

Врач кладет в рот Аджубею таблетку. Тот ее выплевывает:

– Русин! Спаси Никиту. Он через четыре часа вылетает в Свердловск на встречу с немцами. Они сейчас, а не потом его уронят. Вешали лапшу Лене...

Все вопросительно смотрят на меня, а я чувствую, как ноги подгибаются. Что значит «сейчас»?!

– Так! Уносим, – командует врач. – У больного бред, такое бывает при гипоксии. Глотайте быстро аспирин, он кровь разжижает.

В рот Аджубея отправляется новая таблетка, редактор отцепляется от стула, и его наконец уносят. Сотрудники все еще стоят в шоке. Я тоже в ауте. Совсем не так я себе представлял развитие событий. В голове набатом начинает бить СЛОВО. Ну, здравствуйте, высшие силы, очнулись!

– Никита – это Хрущев? – первым соображает Седов.

– Откуда я знаю? – Забираю «Филипс» со стола, иду к выходу. Надо спешить.

– Русин, ты куда?!

– Родину спасать...

* * *

До Лубянки, вернее до площади Дзержинского, дошел пешком. Благо идти не так далеко – мимо Дома Союзов и Большого театра, всего минут двадцать. Пока шел быстрым шагом по утренней Москве – судорожно размышлял. Если у Шелепина с Семичастным есть свой человек в охране первого секретаря ЦК и он может пронести, например, взрывчатку с таймером на борт самолета, то что заговорщикам действительно мешает убить Хрущева прямо сегодня? Обещание Брежневу? Ерунда! Скажут, что в последний момент переиграли. Слишком велик риск провала, если дожидаться поездки в Чехословакию.

Смотрю на часы. Сейчас восемь тридцать утра. Если Аджубей прав, то Никита улетает в Свердловск в полдень. Скорее всего, из Внуково-2. СЛОВО в голове согласно бьется. Да понял я, что надо спешить! Прибавляю шаг, вскоре перехожу на бег и притормаживаю только на Лубянке, перед входом в Большой дом. С проходной звоню по номеру, что мне дал Мезенцев, и, на мою удачу, отвечает Литвинов:

– Привет, Алексей! Что случилось?

– Срочно нужен Степан Денисович!

– Он сейчас на совещании.

– Андрей, оформи мне пропуск и спустись за мной. МНЕ ОЧЕНЬ НУЖЕН МЕЗЕНЦЕВ! СРОЧНО!

В трубке повисло молчание. Ну же... Ты же мне должен!

– ...Хорошо, я все сделаю.

Не прошло и десяти минут, как хмурый Литвинов действительно за мной пришел. Провел меня сквозь придирчивую охрану, поднялись на этаж, где теперь обитает генерал. Мезенцев уже явно вырос в иерархии КГБ. Большая приемная, много народу. Впрочем, в прошлый раз я был на Лубянке в воскресенье, так что сравнивать трудно. Смотрю на часы – уже около девяти. Время поджимает!

– Что случилось-то? – Литвинов выводит меня назад в коридор. – На тебе лица нет. Опять с диссидентами подрался?

Если бы...

– Имей в виду, Степан Денисович на тебя очень зол. Ходят слухи, – Литвинов понижает голос, – на тебя Второе управление дело завело. Подробностей пока не знаю.

– Теперь уже плевать. – Я тру покрасневшие глаза. Ночью практически не спал. Сначала еще раз, тайком на кухне, прослушивал пленку. Потом меня мучила и пытала обеспокоенная Вика, которая проснулась и не обнаружила меня в кровати. Тут ее предчувствие снова сработало. Я же только отмалчивался. Не хватало еще и ее втягивать в это дерьмо.

Стоим, молчим. Ждем Мезенцева.

– А вот и Степан Денисович.

По коридору и правда идет мрачный Мезенцев. Генерал осунулся, на лице прибавилось морщин.

– Русин? Что ты тут делаешь?

– Дело жизни и смерти.

Я делаю глубокий вдох, стараюсь успокоиться. Надеюсь, генерала удар не хватит – они тут тренированные. Мезенцев внимательно на меня смотрит, открывает дверь.

– Ну, пошли.

– Товарищи, – генерал обращается к присутствующим. – Прошу прощения, срочное дело. Андрей, принимай звонки.

Мы входим в большой кабинет с длинным столом для совещаний. Книжные шкафы пусты, и вообще в помещении ощущается дух переезда. На полу – коробки с документами, на стенах заметны следы от висевших там ранее картин.

– Взял пока Литвинова к себе адъютантом. Прежний с язвой в больницу слег. – Генерал усаживается за рабочий стол, кивает на «Филипс». – Ну давай уже, включай.

Догадливый. Я тяжело сглатываю.

– Был у Брежнева дома, он мемуары хочет написать про свое фронтовое прошлое.

Мезенцев насмешливо хмыкает.

– И вот что случайно попало на пленку. – Я жму кнопку воспроизведения. – А Хрущев сегодня в полдень летит в Свердловск.

Генерал слушает молча. Не ругается, ничего не спрашивает. Взгляд застыл, рука с силой сминает так и не зажженную сигарету. Запись заканчивается, я выключаю «Филипс». Мезенцев бросает быстрый взгляд на наручные часы.

– КТО ЕЩЕ ЗНАЕТ О ПЛЕНКЕ?!

Генерал с ходу ухватил главное.

– Аджубей. – Я повесил голову, тяжело вздохнул. – Первым делом пошел к нему. А у него... в общем, случился сердечный приступ. В больницу увезли.

– Слушали у него в кабинете?

– Да.

– Вы мудаки! И ты, и он.

– Зачем же так грубо?!

– Потому что кабинет Аджубея прослушивается! – Мезенцев бросил еще один взгляд на часы, что-то быстро подсчитал в уме, шевеля губами. – Значит, Захаров уже знает. Кабинет выведен «на кнопку», о таком ему сразу же сообщают. И хоть запись неважного качества, нам нужно готовиться к худшему.

Он швырнул смятую сигарету в пепельницу, открыл сейф. Достал вороненый «ТТ».

– Стрелял из такого в части?

– Да... – промямлил я. Черт, как все обернулось-то...

Взял пистолет, выщелкнул магазин. Он полный. Передернул затвор. Мезенцев вооружился таким же черным «ТТ».

– Аджубей сказал, что, поскольку Хрущев в полдень вылетает из Внуково, заговорщики...

– Рот закрой. Вы с Аджубеем уже нас всех закопали на три метра под землю.

– Нас? Вы с нами?

Генерал, не отвечая, берет трубку белого телефона с гербом.

– Павел Евсеевич? Доброе утро, Мезенцев. Звоню сообщить, что, в связи с осложнением оперативной обстановки в Москве, объявлена повышенная боеготовность по всем подразделениям... Да, и для вас в первую очередь. Поднимайте первый и второй полк в ружье, сажайте на «Уралы» и бэтээры и ждите приказа. Вам позвонит лично Никита Сергеевич и поставит задачу. Не отходите, пожалуйста, от вертушки. Да, личному составу пока можно сообщить об учениях.

– Я ничего не знаю. Но догадываюсь.

– Павел Евсеевич! Ладно, но только вам. Действуем по плану «Альфа-прим». Да, все так серьезно. Почему не Захаров звонит? Он экстренное совещание со всеми нашими службами проводит. Вы же знаете, какая у нас чехарда началась в связи с отстранением Семичастного. Я и сам только в курс дела вхожу. Все. Отбой.

Мезенцев смотрит на меня тяжелым взглядом, и я спрашиваю:

– Вы подняли в ружье дивизию Дзержинского?!

– Если бы ее не поднял я, то это сделал бы Захаров. И Семичастный – я его видел в здании с утра. И тогда они выполняли бы их приказание.

Да... Дела. Дивизия Дзержинского – это не армейцы, подчиняются напрямую КГБ. Базируются под Балашихой, им быстрым ходом сорок минут до Кремля. Что я устроил?! Так гражданские войны и начинаются.

Я осторожно кашлянул.

– Э... и что дальше?

– А вот что, – Мезенцев опять кому-то звонил. – Сергей Семенович? Доброе утро, Мезенцев. Уже по голосу догадываетесь?

Генерал грустно усмехнулся.

– Да, боевая тревога. Кремлевский полк – в ружье. Действуем по плану «Альфа-прим». Будьте пожалуйста, у телефона – Никита Сергеевич детали объяснит лично. Дивизию Дзержинского я тоже поднял. Так что... Да, вы все правильно поняли, могут появиться рядом с вами... Резкое осложнение оперативной обстановки. Это пока все, что я имею право сообщить. Да, ждите разговора с Хрущевым.

Я понял, что Мезенцев звонил коменданту Кремля. Всех поднял.

– А теперь последний, самый сложный звонок, и едем. – Генерал закрыл глаза, сделал глубокий вдох, выдох. Решительно набрал следующий номер. – Полковник Литовченко? Доброе утро. Да, Мезенцев. Никифор Трофимович, вы сейчас где? Во Внуково? Отлично. Никита Сергеевич уже выехал? Интересуюсь потому, что получена оперативная информация о готовящемся покушении. Почему я звоню, а не Захаров? Он как раз проводит совещание по этому вопросу с оперативным составом девятки. Да, проверяем, вводим усиленный режим. Нет, разворачивать кортеж не надо, ситуация под контролем. Сейчас я выезжаю к вам во Внуково. Я лично доложу Никите Сергеевичу всю информацию. А там уже сообща примем решение о полете... Предварительно?..

Первый раз вижу растерянный взгляд Мезенцева. Не рассказывать же ему по телефону детали с пленки. Шепчу:

– Албанский террорист-смертник, взрывчатка.

Генерал удивленно на меня смотрит, но повторяет:

– Албанский террорист-смертник. Со взрывчаткой. Да, внешнее оцепление будет небесполезным. Только предупредите насчет меня. А то еще с испугу подстрелят. Все, отбой, выезжаю.

– Так, – Мезенцев повесил трубку, опять взглянул на часы. – Полчаса он будет расставлять оцепление, встречать Хрущева. За это время мы постараемся добраться первыми до аэропорта с диктофоном. С албанцем ты, кстати, хорошо придумал! Поехали.

Рисковый все-таки он мужик! Я трясся, просчитывая варианты, а он моментально принял решение, поставил на уши дзержинцев и кремлевцев. Теперь все они будут ждать звонка Хрущева в полной боеготовности и посылать на три буквы Захарова с Семичастным с их приказами. Мы встали, я повесил «Филипс» на плечо. «ТТ» убрал в карман пиджака. Мезенцев же, покопавшись в одной из коробок, нашел наплечную кобуру. Надел ее, вложил пистолет. Сверху прикрыл пиджаком.

Мы вышли в приемную.

– Товарищи, извините, срочное оперативное мероприятие, – обратился к присутствующим генерал. – Андрей, идем в гараж.

Литвинов без разговоров вскочил и первым проскользнул в коридор. Мы пошли следом. Спустились на первый этаж, проследовали куда-то коридорами. На одном из переходов нос к носу столкнулись с группой мужчин.

Впереди Семичастный с незнакомым мне генералом в форме. Позади них еще двое. Я засовываю руку в карман пиджака и на всякий случай смещаюсь вправо. Мы останавливаемся.

– Генерал Мезенцев! – первым начинает Семичастный. – Вы арестованы. Русин, ты тоже. Отдай диктофон!

– Санкцию на мой арест может дать только президиум ЦК, – спокойно отвечает Мезенцев и расстегивает пиджак.

– Степан, вы проиграли, – скрипит генерал рядом с Семичастным. Это новый председатель КГБ Захаров? Сам лично нас задерживает? – Мы все знаем и заберем пленку. Если надо будет, то с ваших трупов.

– С дороги! – Мезенцев выдергивает из кобуры «ТТ».

– Взять их!

Сопровождающие Захарова начинают двигаться одновременно с нами. Они первыми скидывают пистолеты, но я уже нажимаю на курок, стреляя прямо через карман пиджака.

Гдах, гдах!

Глава 2

*Чтоб не вредить известным лицам,
на Страшный суд я не явлюсь:
я был такого очевидцем,
что быть свидетелем боюсь.*

И. Губерман

Руку обжигает пороховыми газами, первым складывается и валится на пол Захаров. Пуля проходит через председателя навывлет и попадает в правого сопровождающего. Второй выстрел делаю в левого. Тот тоже стреляет, но курок его пистолета щелкает впустую. Осечка. Кажется, высшие силы берегут меня сегодня! Одновременно со мной стреляет Мезенцев. По ногам. И тут же бьет рукояткой «ТТ» Семичастного в голову. В коридоре воцаряется ад и неразбериха. Крики, стоны боли, мужской мат.

– Ходу! – Мезенцев плечом сбивает с ног скрючившегося охранника Захарова (или Семичастного?), грузно бежит по коридору. За ним мчится Литвинов с побелевшим лицом. Я же бегу последним, достав пистолет из кармана и постоянно оглядываясь. А ну как будут стрелять вслед? Хотя нет, все четверо продолжают валяться на полу. Из кабинетов начинают выглядывать ошарашенные сотрудники КГБ.

– Быстрее! – Мы прибавляем темпа, выскакиваем в проходную главного входа. Тут уже ждут – несколько охранников вытащили табельное оружие и даже наставили его на нас.

– В здании враги! – кричит им издалека Мезенцев. – Ты и ты – в левое крыло, остальные – занять оборону.

Генерала узнают, начинается суета. Мы же в это время беспрепятственно выскакиваем наружу.

– Андрюха, колеса! Быстро!

Литвинов бросается прямо на проезжую часть, визжат шины черной «Волги». Лейтенант прижимает к лобовому стеклу красное удостоверение чекиста, кричит страшным голосом: «Вон из машины!» Из-за руля выскакивает испуганный водитель.

За руль «Волги» садится Мезенцев, рядом – Литвинов. Я быстро втискиваюсь на заднее сиденье.

– Пушку убери, дурак! – Генерал успевает одновременно рулить и оглядываться назад. Мой «ТТ» и правда еще в руке, ствол его пахнет кислым порохом. Ставлю курок на предохранительный взвод, засовываю пистолет назад в дырявый карман пиджака. Меня трясет от волнения, моих «подельников», кажется, тоже изрядно потряхивает. Оба ругаются матом, и все больше на меня.

– Русин, мудака, ты зачем стрелять начал?! – орет на меня, обернувшись, бледный Литвинов. – Нам же Захарова и его ребят не простят!

– А что мне, блин, надо было ждать, пока они в нас первыми выстрелят?! А потом с моего трупа пленку заберут?! – ору в ответ я, ощупывая «Филипс». Слава богу, цел!

– Мы бы мирно не разошлись, Андрей, – не соглашается с Литвиновым Мезенцев. – Они нас там бы и положили.

Я вижу крупные капли пота, текущие по его шее за воротник, кровь на щеке. Кровь Семичастного? Голову ему Мезенцев разбил прилично, а вот сам, слава богу, не пострадал.

Машина тем временем выскочила на пустой Ленинский проспект, спидометр достиг отметки 160 километров в час. Космическая по местным меркам скорость. Сейчас взлетим.

– На выезде из Москвы нас перехватят, – комментирует Андрей, открывая окно. Внутри дрожащей от напряжения «Волги» врывается свежий столичный воздух.

– Не успеют, вон Кольцевая уже.

Мы проскакиваем под эстакадой. Очень похоже, что именно здесь, на новой двухъярусной развязке, снимали фильм «Берегись автомобиля». В последний момент из будки выбегает орудовец с жезлом, машет палкой. Ага, так мы тебе и остановились! Еле сдерживаю себя, чтобы, как мальчишка, не показать ему язык в заднее стекло. Это явно нервное.

Дальше путь свободен. Мезенцев ведет «Волгу» уверенно, профессионально. Еще полчаса, и мы у Внуково-2. Правительственный аэропорт действительно оцеплен, и нас тормозят еще на подступах к нему. Выходим, а дальше идти приходится быстрым шагом, под конвоем охранников Хрущева, вооруженных автоматами Калашникова. Видно, что ребята сильно нервничают.

У самого терминала к нам подошел Литовченко. Красивый высокий мужчина лет пятидесяти, в брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. Поверх рубашки, как и у Мезенцева, – наплечная кобура с пистолетом. На лбу – солнцезащитные очки. Нахватались уже у западных телохранителей, но вещь вообще-то нужная. Я стащил простреленный пиджак, перекинул его через руку.

– Прошу сдать оружие! – Вместе с Литовченко к нам приблизились еще пятеро охранников. – Банников только что звонил. Сообщил, что вы все трое участвовали в перестрелке с Захаровым и Семичастным. Совсем охренели?! – Разумеется, Литовченко выразился более энергично. Мат так и сыпался из него.

– Как они? – Мезенцев безропотно отдал охране пистолет. Разоружились и мы с Литвиновым.

– Пока все живы, и генералов, и охранников доставили в Склиф, оперируют.

– Осторожнее вот с этим. – Я ткнул пальцем в диктофон, который у меня тоже отобрал один из подчиненных Литовченко. – Ради него мы и пошли на стрельбу в главном здании КГБ. Взгляды окружающих скрестились на «Филипсе».

Литовченко осмотрел диктофон, отщелкнул аккумулятор, открыл кассетоприемник. Осмотр его удовлетворил.

– Ты кто такой?

– Я тот, из-за кого все это завертелось. Алексей Русин.

– Подожди... Видел тебя по телевизору. – Литовченко наморщил лоб. – Рядом с Гагариным. Стихи читал.

– Точно.

– Ладно, Русин, молись. Никита Сергеевич рвет и мечет, – тяжело вздыхает глава охраны Хрущева. – Если вы и правда стреляли в Комитете по генералам, то суда не будет – мы вас тут сами при попытке нападения на охраняемое лицо исполним.

– Семичастный и Захаров готовили покушение на Хрущева. Веди к шефу, – спокойно произносит Мезенцев. – Думаю, что мы с парнями еще потопчем землю.

Входим в здание аэропорта. Маленький, пустой, стеклянный терминал встречает нас тишиной. Не ревут моторы самолетов, женские голоса не объявляют рейсы. Нас еще раз тщательно обыскивают, мы стоически терпим.

И тут меня, наконец, накрывает отходняк. Перед глазами встают скорчившиеся на полу тела Захарова и охранников. Кровь, крики... Это ведь я их... Падаю на колени, и меня выворачивает прямо на пол. Абсолютная память усиливает эффект – я повторно слышу чавкающий звук, с которым пуля попадает в тело генерала, ощущаю запах пороха. Тело сотрясает дрожь, и лишь огромным усилием воли я беру себя в руки. Литвинов помогает мне встать, все окружающие мужчины смотрят на меня без осуждения.

– Ну и кто тут блюет? – Неожиданно открывается дверь, и в компании двух охранников к нам выходит Хрущев.

Привычного румянца на лице Никиты нет, под глазами – мешки, дышит тяжело. Телохранители расступаются, но стволы автоматов не опускают. Черт, а ведь среди них может быть тот самый «человек» Семичастного! Полоснет по нам всем сейчас очередью от бедра – и привет. Я вытираю рукавом рубашки губы, сплевываю на пол – не до приличий сейчас.

– Блюю я, Никита Сергеевич. Первый раз сегодня стрелял в живых людей вот так... глаза в глаза.

Мезенцев молчит, Литвинов тоже. Хрущев хмурится.

– Говори. Только коротко.

Я замечаю за ремнем брюк Хрущева какой-то импортный пистолет. Этот применит оружие без раздумий.

– А чего говорить-то? Возьмите вон диктофон. – Я киваю в сторону одного из телохранителей, того, что держит «Филипс». – И послушайте пленку, что я случайно записал у Брежнева во время подготовки мемуаров. Только слушайте без охраны, там не для всех информация.

– Ты проверил? – Хрущев переводит взгляд на главу своей охраны. Литовченко молча кивает.

Первый секретарь ЦК КПСС забирает диктофон и уходит. Мы стоим, ждем. Литовченко не выдерживает, дает команду позвать уборщиков. Приходят две пожилые женщины в серых халатах, с ведрами. Начинают швабрами убирать мое «художество». Я краснею от неловкости, но они, кажется, и не к такому привыкли – спокойно убирают и так же спокойно уходят.

Наконец из двери выглядывает Хрущев. Он стал еще бледнее.

– Никифор Трофимович, зайди.

Литовченко уходит, мы продолжаем ждать. Еще четверть часа, и возвращается глава охраны. Он мрачнее тучи, держит в руке пистолет.

Дает короткую команду сотрудникам:

– Верните товарищам оружие.

Телохранители удивленно переглядываются, но дисциплинированно передают нам наши «ТТ». Я свой сую за ремень, подобно Хрущеву.

– Заходите, Никита Сергеевич ждет вас.

Мы входим внутрь небольшого зала, по периметру которого стоит мягкая кожаная мебель – кресла и диваны. На низких журнальных столиках лежат газеты и журналы, в том числе – зарубежные. Вижу даже англоязычную прессу. Есть в этом зале и небольшой открытый бар с бутылками и бокалами. А вот окон здесь нет.

– Товарищи. – Литовченко мнется, оглядывается на Хрущева, который в прострации сидит в одном из кресел, поглаживая «Филипс» на коленях. – В ближайшее время вы – охрана Никиты Сергеевича. До тех пор, пока я не вызову из Кремля резервную смену.

– Я хотел предложить то же самое, – спокойно соглашается Мезенцев. – Только заберите у телохранителей и дайте нам автоматы. Предатель может открыть стрельбу – с одними пистолетами мы не отобьемся. Никита Сергеевич, нужно бы вызвать в аэропорт мобильную группу дзержинцев.

Хрущев не отвечает, сидит с застывшим взглядом. Я понимаю, что первый секретарь в ауте. Он уже не поглаживает «Филипс» – просто бессмысленно щелкает клавишами. Иду в бар, выбираю бутылку водки. «Московская особая» в экспортном варианте. Захватив стакан для минералки, направляюсь к Хрущеву. Скручиваю «Особой» голову, наливаю стакан до половины.

Перед тем как отдать стакан, сам прикладываюсь к бутылке. Водка огненной струей проваливается в желудок, я крикаю, пытаюсь восстановить дыхание. Из глаз льются слезы, но сразу становится легче.

Глядя на меня, Хрущев тоже прикладывает к стакану, выпивает «белую» не поморщившись.

– Что с зятем? – Глава государства наконец оттаивает.

– Сердечный приступ. Сразу, как услышал, что на пленке.

– Дочка звонила из больницы, плакала. Врачи пока ничего не говорят.

– Никита Сергеевич, – в наш разговор решительно вмешивается Мезенцев, – надо спешить. Пока полковник Литовченко разоружает смену, требуется по ВЧ позвонить Шорникову в Кремль и Корженко в дивизию Дзержинского. Павел Евсеевич должен срочно направить к нам усиленную роту и дать людей для ареста заговорщиков.

Я смотрю на Литвинова – у того глаза на лоб лезут. Он же так и не в курсе всего происходящего. Но парень держится молодцом.

Начинается суэта. Литовченко уходит и почти сразу возвращается с автоматами. Мы с лейтенантом баррикадируем дверь, сдвигаем от стен диваны. Устраиваем несколько огневых точек, раскладываем на подлокотниках магазины с патронами. Водка ударяет мне в голову, возникает страстное желание «продолжить банкет».

– И над степью зловеще ворон пусть не кружит, – начинаю тихонько напевать я. – Мы ведь целую вечность собираемся жить!

Мужчины удивленно на меня оглядываются. Фильм «Неуловимые мстители» с этой песней выйдет на экран только через три года. Степан Денисович вертит пальцем у виска. Пожимаю плечами, замолкаю.

Хрущев под диктовку Мезенцева начинает названивать генералам, раздает цеу. Те уже знают о перестрелке в КГБ и догадываются, что произошла попытка переворота. Дальше я краем уха слышу тяжелый разговор Хрущева – с матом и криком – с Малиновским и некоторыми членами Президиума. Министр обороны, судя по всему, до сих пор отказывается верить в заговор, но тем не менее срочно выезжает во Внуково. Как и Микоян с Косыгиным, как и Кириленко с другими членами Президиума...

Проходит полчаса. По условному стуку мы пускаем внутрь Литовченко. Тот уже в бронежилете, щегольские очки куда-то пропали. Прибыла резервная смена телохранителей, и мы сдаем им «пост». Наконец спустя еще какое-то время раздается далекий шум моторов бронетехники.

– Товарищ первый секретарь, – по-уставному обращается вошедший Литовченко к Хрущеву. – Прибыла особая рота первого полка дивизии Дзержинского.

– Вот теперь повоем! – зло скалится Никита. – Так. Мезенцев, бери два взвода, два бэтэра и езжай обратно в КГБ. Банникову я все объяснил, к обеду Комитет должен быть под вашим полным контролем. Чтобы ни одна падла из команды Семичастного не шелохнулась! Не забудь поменять охрану в Склифе. Как только закончат оперировать Захарова и Семичастного – сразу мне сообщи.

– Надо бы еще на Гостелерадио Харламову позвонить, – напоминает Мезенцев. – Чтобы тоже сидели смирно.

Понятно. Начались «мосты, телеграфы, банки...». А заодно «Лебединое озеро» в телеэфире. Хотя... в этот раз, может, обойдется без балета. Хрущев встает из кресла, начинает бодро прохаживаться по залу. Он словно заряжается энергией от происходящего вокруг, и теперь я в нем четко вижу настоящего лидера государства – решительного, быстрого на решения, настоящего бойца и незаурядную личность, способную крепко держать ситуацию в стране под контролем. Такой Никита мог арестовать Берию. Верю.

– Теперь ты, Русин. – Первый секретарь останавливается прямо передо мной. От него ощутимо пахнет водкой. – Я ведь тебя так и не поблагодарил. А ты жизнь мне спас.

Я пожимаю плечами. Спасибо в карман не положишь. Но и наглеть не стоит.

Хрущев неловко меня обнимает, все молча смотрят на нас.

– Спасибо, сынок, я этого не забуду.

Еще как забудешь. И не таких забывал! У забравшихся на вершину властной пирамиды лиц вообще резко проблемы с памятью начинаются. Жуков, сидящий сейчас под домашним арестом, – яркий тому пример.

– Я не только вас спасал, Никита Сергеевич, – решаюсь нарушить молчание. – Но и страну. Вы же столько для Союза сделали. А сколько еще сделаете...

– Я тебя не забуду, вот при товарищах говорю. Ты теперь в моей команде. А раз так, – Хрущев хмурится, – закончи, что начал. Надо арестовать Шелепина и Брежнева.

* * *

Почему я? Таким вопросом я даже не задавался. Раз взялся менять историю – надо идти до конца. И потом: а кому еще Хрущев мог поручить аресты заговорщиков? Кому он может сейчас безоговорочно доверять? Мезенцев уехал брать под контроль Лубянку. Литовченко охраняет первое лицо страны и контролирует аэропорт. Армия – вообще непонятно на чьей стороне. Выжидают, поди: а ну как мятежные члены Президиума попробуют собрать Пленум ЦК и на законных основаниях снимут Никиту? Так что именно нам с Литвиновым выпала роль охотников. Сержанту запаса и лейтенанту КГБ.

Хрущев по ВЧ сделал несколько звонков, узнал, где сейчас находятся ключевые фигуры заговора. Шелепин на работе – в ЦК на Старой площади, Брежнев сидит дома. Потом во дворе аэропорта первый секретарь велел выстроить два взвода дзержинцев. Выглядели бойцы в полной выкладке браво, лица суровые, сосредоточенные. К нам подошел капитан Северцев, представился, отдал честь.

– Капитан? – хмыкнул Хрущев. – Выполнишь задание – завтра станешь майором. Усек, Северцев?

– Так точно, товарищ первый секретарь! – отбарабанил военный.

В каждом взводе были пулеметчик и гранатометчик с «РПГ-7» за плечом. Все серьезно. Не хватает только авиационной и артиллерийской поддержки.

На руки я получил бумагу-индულгенцию в стиле Ришелье из романа Дюма: «Все, что сделал предьявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства». Только на бланке с гербом СССР было от руки написано следующее: «Приказываю. Всем советским учреждениям и партийным органам, структурам МООП и КГБ, армии и местным властям оказывать полное содействие тов. Русину А. и тов. Литвинову А. при исполнении ими возложенного на них поручения государственной важности. Первый секретарь ЦК КПСС СССР, председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев». Документ украшала размашистая подпись Никиты и сразу несколько печатей.

– Надеюсь на тебя, Русин. Понимаешь меня? Не подведи. – Хрущев отвел меня в сторону от солдат, хлопнул по плечу.

– Нешто я да не пойму при моем-то при уму! – шутливо цитирую я ему Филатова.

Хрущев смеется, но как-то невесело, качает головой. Потом смотрит в голубое небо, на котором ни облачка. Жарковато уже. Припекает.

– Да... Слетал в Свердловск... – Никита тяжело вздыхает. – Ладно, пойду собирать Пленум ЦК. Дадим теперь товарищам послушать твою пленочку.

Я возвращаюсь к бойцам, показываю Северцеву индულгенцию. Веснушчатое лицо капитана становится еще серьезнее.

– Все сделаем, товарищ Русин. Только приказывайте.

– Сначала на Старую площадь. Литвинов, не тормози.

Под улыбки бойцов мы пытаемся сначала забраться на броню БТР, хватаясь за скобы. Но в узких брьюках это делать крайне неудобно, да и штатские в костюмах на броне – это выгля-

дит несуразно. Так что, махнув рукой, забираемся внутрь бэтэра. Едем сначала в главное здание ЦК, по дороге с интересом поглядывая в боевые щели. Пригород живет своей жизнью, народ лишь удивленно оборачивается вслед бронетранспортерам. Первый танк мы встречаем только на въезде в город, на том самом пересечении Ленинского проспекта с МКАД. И в столице на улицах тоже спокойно, горожане, кажется, вообще не в курсе происходящего в стране, стоят себе на остановках, спешат куда-то по своим делам, улыбаются. На наши БТР смотрят с любопытством, но без страха. Ближе к центру на перекрестках появляются военные патрули и машины, у некоторых уже крутятся стайки восхищенных мальчишек. Уж их-то точно военные в городе не пугают – такое развлечение! «Дядя, дай покататься».

В районе Китай-города, рядом с танком, преграждающим въезд на Старую площадь, нас останавливает пост военных инспекторов дивизии Дзержинского. Показываю бумагу, нас тут же пропускают.

– Эх... Сфотографироваться бы сейчас! На память и для мемуаров. – Литвинов чешет затылок, пока танк откатывается назад и открывает нам въезд на Старую площадь.

– Один такой уже написал мемуары... – хмыкаю я в ответ.

Но мысль о фотках меня теперь тоже не покидает. А еще было бы неплохо переодеться во что-то более удобное и подходящее к случаю. Мы подъезжаем к главному входу, солдаты высыпают на асфальт из бэтэра, разминают ноги. Еще не успели войти в здание, а к нам уже спешит пожилой мужчина в аппаратном костюме.

– Начальник охраны полковник Звягинцев. Вы товарищи Русин и Литвинов?

– Мы.

– Паспорт ваш можно?

– Этого, – капитан приподнимает автомат, – недостаточно?

– Подожди, Северцев, – я достаю паспорт, в него вложена «индульгенция».

Звягинцев внимательно ее читает, с прищуром сравнивает меня и фотографию в паспорте. Ну да – там я без бороды. А что теперь мне – паспорт менять? Потом проверяет служебное удостоверение Литвинова. Наконец кивает.

– Приказано оказать вам любую помощь. Был звонок из КГБ.

Быстро там Мезенцев взял все в свои руки! Так даже неинтересно. Неужели и не постреляем в ЦК?

– Ведите нас к Шелепину.

Всей толпой мы входим в здание, топаем по коридорам, устланным ковровыми дорожками, и лестницам. Из кабинетов выглядывают головы испуганных сотрудников и тут же исчезают. На четвертом этаже проходим через большую приемную мимо побелевшей секретарши, без стука вламываемся в кабинет. На дубовом паркете лежит шикарный белый ковер, вдоль стен дубовые книжные шкафы, современный иностранный телевизор на низкой тумбе. Стиленько так...

– Сталина на вас нет... – ворчит Северцев, разглядывая окружающую роскошь.

– Что вы себе позволяете?! – Из примыкающей комнаты выходит Шелепин. Губы упрямо сжаты, глаза сердито мечут молнии. Теперь понимаю, почему его за глаза железным Шуриком называют. Такой действительно мог принять решение о расправе в Новочеркасске.

– Которые тут временные? – не могу удержаться от сарказма и цитирую Маяковского, глядя в грозное лицо Шелепина. – Слазь! Кончилось ваше время.

– Ты, мать твою, понимаешь, с кем вообще говоришь, сопля... ох, чёрт!

Тут я без замаха бью кулаком в «солнышко», и «Шурик» складывается на ковер. Ерзает от боли ногами.

– Ботиночки-то тоже иностранные! – неодобрительно резюмирует Северцев. – А простой народ в кирзачах ходит.

– Кирзачи – это еще хороший вариант. Так, забирайте этого барина и грузите его в БТР.

Я выхожу в приемную. Молодая привлекательная секретарша вытирает слезы. Обширная грудь под белой блузкой учащенно вздымается от девичьих рыданий.

– Как тебя зовут?

– Лена.

Пухленькие губки Лены полностью отключают мой мозг.

– Ровно в полночь...

– Что в полночь? – Девушка перестает плакать и растерянно смотрит на меня.

Беру девушку за руку. Чувствую, как она дрожит.

– Приходите к амбару, не пожалеете. Мне ухаживать некогда. Вы – привлекательны, я – чертовски привлекателен, чего зря время терять? В полночь. Жду.

– Гхм, – раздается сзади. Это кашляет Звягинцев.

Мозг включается, и я отпускаю руку девушки.

– Шучу... Леночка, дозовись до приемной комиссии МГУ и подзиви к трубке Дмитрия Кузнецова, третий курс журфака.

– Да, конечно. Вам на городской телефон в кабинет вывести?

– Давай туда.

Пока жду звонка, обращаюсь к Звягинцеву:

– Сейф немедленно опечатать, выставить у кабинета охрану. Документы из ящиков и со стола изъять, сложить все в коробки, тоже опечатать и вместе с ключами от кабинета и сейфа отправить под охраной генералу Мезенцеву в Комитет. Вопросы есть?

– Никак нет. – Начальник охраны здания по-военному выпрямляется.

Наконец раздается звонок. Беру трубку белого телефона.

– Приемная комиссия? Русин говорит. Да, тот самый. Кузнецова, будьте добры, позвоните... Димон, ты? Никуда не пропал, работаю. Нет, не в «Известиях». Что за работа? Прополка овощей. Из того анекдота, помнишь? Нет, не шучу. Кузнец, слушай меня. Бери мой «Зенит» из тумбочки, собери в сумку мою форму, в которой я на прием недавно ходил, и бегом по адресу: Ленинские горы, Воробьевское шоссе, дом 11. Конечно, я знаю, что там правительственные особняки. Что будет? Метеорит упадет. Кое-кому на голову. Заснимем это для истории.

* * *

17 июля 1964 года, пятница, 14.00.

Подмосковье, Внуково-2

И в этот раз рассадка Президиума произошла ожидаемым образом. Охрана сдвинула в депутатском зале несколько диванов так, чтобы один ряд стоял напротив другого, поставила журнальные столики посередине. В правый ряд сел в центре Хрущев, рядом с ним – Микоян, апоплексичный, с трудом дышащий Козлов, хмурые Косыгин и Кириленко. Напротив, в левом ряду, разместились Подгорный с Полянским и Воронов со Шверником.

– Где Суслов? – жестко произнес Хрущев, раскладывая на коленях какие-то бумаги.

– Я звонил ему, – тихо ответил Подгорный. – Он заболел.

– Заболел? От страха обоссался! – хмыкнул Никита Сергеевич.

– Что с Леонидом Ильичом? – твердым голосом поинтересовался Воронов. – Он мне звонил с утра...

– Еще разок предлагал тебе поучаствовать в заговоре? – Козлов наклонился вперед, впери в четверку напротив тяжелый взгляд.

– Какой заговор?! – тут же взвился Полянский. – Не было никакого заговора! Да, вели разговоры. Но о том, что ты, Никита, зазнался, потерял связь с реальностью. Мнение товарищей ни во что не ставишь и единолично принимаешь важные решения. В каждой бочке – затычка!

– А ну заткнись! – Хрущев ударил кулаком по стеклянному столику, по столешнице побегала внушительная трещина. – Ты уже едешь в столыпинском вагоне. «Десять лет на Колыме» написано у тебя на лбу!

– Не смей на нас кричать! – в ответ заорал Шверник. – Ты себя кем возомнил? Сталиным?!

– Да при Кобе вы язык в заднице держали, он бы вас сразу к стенке поставил! – завелся первый секретарь. – А я цацкаюсь, разговоры с вами веду...

– Товарищи, товарищи, – примирительно заговорил Косыгин, доставая из внутреннего кармана бумагу и ручку, – давайте вернемся в спокойное русло. Никто не против, если я буду вести протокол?

– Веди, – буркнул раскрасневшийся Хрущев. – Кворум есть, открываю заседание. Начнем его вот с этого.

На столик был поставлен диктофон «Филипс», включена запись. Раздался хорошо узнаваемый голос Брежнева, потом Семичастного и Шелепина. В тот момент, когда заговорщики начали обсуждать убийство первого секретаря, «левая» четверка членов Президиума поблелела и растеряла весь свой боевой задор. Полянский так и вовсе закрыл лицо руками.

– Вот такие пироги с котятами, – удовлетворенно произнес Хрущев, после того как пленка закончилась и щелкнула кнопка диктофона. – Я на субботу и воскресенье собираю Пленум ЦК. Проиграем запись товарищам, послушаем, что они скажут. Бомбу на борту самолета нашли, один из моих охранников уже сознался. Сразу, как взяли у всей смены смывы рук. Даже результатов экспертизы дожидаться не стал – сразу раскололся. Вот его признание. Пока от руки написал, но потом следователь все правильно оформит. Ознакомьтесь.

По рукам пошел рукописный документ. Мужчины читали его с мрачным видом.

– Значит, все-таки Семичастный – зачинщик, – вздохнул Микоян. – А Захаров?

– Тоже в деле, – Хрущев протер лысину платком.

– Но зачем же было стрелять?! – Кириленко наклонился вперед, чтобы Косыгин и Козлов не заслоняли ему первого секретаря. – Арестовать их и судить!

– Так получилось... – Хрущев помялся. – Они первые начали стрелять, когда пытались отобрать эту пленку, там еще разбирательство идет... А потом – и Семичастный, и Захаров оба выжили, врачи их подлатают, и они сядут на скамью подсудимых. Я вам обещаю.

В дверь зала, постучав, зашел Литовченко. Полковник, наклонившись, что-то прошептал Хрущеву. Тот удовлетворенно кивнул. Дождавшись, пока Литовченко выйдет, продолжил:

– Нам сейчас надо решить, что с этими делать... – Никита Сергеевич небрежно кивнул на сидящих напротив него.

– Слово Лени против нашего, – таким же уверенным, как и вначале, голосом произнес Воронов. – *Доказательств нет, предъявить нечего. Это во-первых. Во-вторых, мы ничего не знали ни о бомбе, ни о покушении.* Речь шла только о том, чтобы вынести на пленум вопрос о твоей отставке. Думаю, ты, Никита Сергеевич, и сам это прекрасно понимаешь. Все остальное – глупая импровизация Семичастного и Шелепина. Пусть они за нее и отвечают.

– А где сейчас Александр? И Леонид? – Косыгин оторвался от протокола и вопросительно посмотрел на Хрущева.

– Их арестуют. – Никита Сергеевич посмотрел на наручные часы. – Наверное, уже арестовали.

В депутатском зале воцарилось напряженное молчание.

– Короче, мы посовещались, и я решил... – Хрущев подвинул к четверке листки бумаги. – Ответчиками по делу выступят Семичастный со своим подручным Захаровым, а также привлеченные ими Брежнев и Шелепин. Вы же четверо, дабы избежать еще большего ущерба для репутации нашей партии и первого в мире государства рабочих и крестьян, сейчас напишете заявления об отставке и выйдете из состава Президиума.

- С какой формулировкой? – уточнил Косыгин, подняв глаза от протокола.
- За проявленную политическую близорукость. И тихо, военными бортами, сегодня же вы улетаете послами в Непал, Бирму, Коста-Рику и Гаити.
- У нас разве там... – Полянский сглотнул вязкую слюну. – Есть дипломатические представительства?
- Теперь есть. Пять минут на размышления не даю.

Глава 3

*Традиций и преемственности нить
сохранна при любой неодинакости,
историю нельзя остановить,
но можно основательно испакостить.*

И. Губерман

До Ленинских гор мы добирались минут сорок. В бэтээре всю дорогу раздавались мат и ругань Шелепина. Из моего апперкота он урока не извлек и, когда очухался, снова начал всем угрожать: теперь уже не только мне, но и Литвинову, и Северцеву, и даже его бойцам. Мне это наконец надоело, и я велел заткнуть ему рот кляпом. Достал, Шурик!

На улице с правительственными особняками – тишина. Никого. Даже «Волга» с милицией и та сегодня куда-то пропала. Правда, стоило нам выбраться из бэтээров, а бойцам роты рассредоточиться, занимая удобные позиции, как из ворот соседнего особняка появились двое серьезных мужчин с автоматами наперевес. Окинув нашу живописную группу цепким взглядом, сразу же быстрым шагом направились к нам с лейтенантом.

– Русин и Литвинов? Мы из охраны особняка Никиты Сергеевича. Полковник Литовченко приказал оказать вам содействие, если возникнут трудности.

– Спасибо, от помощи не откажемся. Как там, тишина? – Я киваю на ворота брежневского дома.

– Тихо. Обслуга и объектовая охрана покинули особняк полчаса назад. Остались только ребята, которых Брежнев привез с собой из...

Один мужчина вопросительно смотрит на другого. Тот пожимает плечами:

– Днепропетровска?

– Он же вроде в Алма-Ате работал?

– Ладно, разберемся. – Я гляжу на небо. Все еще ни облачка, жарит очень прилично. В такую погоду надо на речке на лодках кататься, шашлык есть, а не партократов из резиденций выковыривать.

– Вы, случайно, не видели здесь молодого высокого парня с сумкой?

Старший охранник сдержанно улыбается:

– Кузнецова? Так он действительно с вами? У нас он, на проходной. Бойкий парень! Мы его убрали с улицы – от греха подальше.

– Бывший десантник. Выпустите его...

Через пару минут взъерошенный Димон присоединяется к нам. Глаза у друга ошалевшие. Вид двух бэтээров и роты солдат, вооруженных до зубов, здесь, на улице с правительственными особняками, шокирует его.

– Так ты правда... – дальше друг не договаривает, показывает глазами на запертые ворота дома № 11.

– Правда. Я же обещал тебе прополку овощей, так вот она и идет. Сумку давай. И познакомься – это лейтенант КГБ Андрей Литвинов. А это капитан Северцев. Скоро майором станет.

Мужики посмеиваются, Литвинов стучит пальцем по наручным часам.

– Минуту, – забираю у Димона сумку, бегу обратно к боевому отсеку.

Пока я быстро переодеваюсь, что оказалось совсем не просто сделать, согнувшись внутри БТРа, Димон знакомится с Андреем и тут же включается в происходящее, с азартом коммен-

тируя действия бойцов Северцева. А тот уже начал штурм особняка, согласовав свои действия с Литвиновым.

Переговоры с охраной не принесли результата. Не дождавшись реакции на требование открыть ворота и услышав в ответ только какие-то невнятные обещания оказать сопротивление, капитан отдает короткий приказ своим людям. Один из бэтээров, рыкнув мотором, с ходу ударил в ворота. Створки, крикнув, распахнулись, и мы вместе с солдатами дивизии Дзержинского следом за машиной ворвались на территорию особняка. Во дворе было пусто, и в нас никто не стрелял. Хотя обещали!

Я даже успеваю сделать пару снимков самого штурма, когда Литвинов неодобрительно одергивает меня.

– Алексей!..

– Так это же для истории! – Я отдаю «Зенит» в руки Димона и бегу вслед за бойцами по двору в сторону главного дома.

В форме я чувствую себя совсем по-другому, все движения невольно становятся скупыми и выверенными, словно тело само вспоминает армейскую службу. И Димон, и Андрей с легкой завистью косятся на мою «оливу». Сочувствую! В штатском и правда сейчас неудобно.

При взгляде на клумбы с цветами – изумрудный газон и белоснежную балюстраду особняка на их фоне – меня вдруг на секунду охватывает чувство нереальности происходящего. Какой заговор, какая попытка переворота?! Умиротворяющее спокойствие и сладкий аромат цветущих растений разлиты в жарком июльском воздухе. Но жужжание пчел и тишину особняка нарушает громкий топот солдатских сапог и короткие отрывистые команды Северцева. Очарование представшей перед глазами идиллии исчезает, и я, встряхнувшись, бегу вслед за бойцами к центральному входу в главный дом.

Двери заперты изнутри, но никого это не смущает: несколько умелых ударов прикладом – и дверь тут же распахивается перед нами. Баррикад в доме нет, но в холле нас встречают несколько молодых мужчин, вооруженных пистолетами, они пытаются преградить нам путь. Смешно. Учитывая количество автоматов, наведенных сейчас на них. Да и все пути отступления для них надежно перекрыты – дом окружен бойцами. Северцеву и его людям не откажешь в профессионализме.

С обеих сторон раздается дружный мат. Наш – мощнее и забористее.

– Не дурите! – объясняю я культурным языком, Литвинов лезет за ксивой. – Здание окружено, сопротивление бесполезно. Сложите оружие.

– Что происходит? Кто вы и почему врываетесь на территорию охраняемого объекта?!

– В Москве предотвращена попытка государственного переворота. У нас личный приказ товарища Хрущева арестовать участников заговора. – Мои громкие слова и демонстрация соответствующей бумаги повергают охранников в настоящий шок. Похоже, никто здесь и не думал посвящать их в происходящее.

– А... Леонид Ильич-то при чем?! Они с Никитой Сергеевичем близкие друзья! – Искреннее возмущение только укрепляет меня в мысли, что их использовали втемную.

– Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так... – пропел я. Цитату из Высоцкого тут, конечно, пока не знают, до выхода на экраны фильма «Вертикаль» еще три года, но все замолкают, ожидая продолжения.

– Он входит в число главных заговорщиков.

Старший охранник после короткой заминки выступает вперед и медленно кладет пистолет на мраморный пол. Так же медленно делает шаг в сторону. Остальные следуют его примеру. Похвальное благоразумие – слава богу, никто из них в героев играть не собирается. Один из автоматчиков отодвигает растерянных охранников в сторону, освобождая нам путь во внутренние помещения особняка. Вижу, как ребята Северцева косятся на мраморные полы и хрустальные люстры – будет что рассказать сослуживцам вечером в казарме. Да, бойцы, вот так

живет наша партийная элита! А для вас – перенаселенные бараки с удобствами на улице. Литвинов, ни к кому конкретно не обращаясь, громко спрашивает:

– Где сейчас гражданин Брежнев?

Пожилый охранник тяжело вздыхает:

– В гостиной на первом этаже.

– Проводи.

– Не нужно, – вмешиваюсь я, – дорогу туда я знаю.

Мы в сопровождении двух автоматчиков идем по коридорам особняка вчерашним путем, в голове моей ощущение полного дежавю. Суток не прошло, как я снова здесь и снова вижу все эти стены, эти двери и прекрасный сад за окнами. Словно и не было ничего – ни пленки, ни бессонной ночи, ни стрельбы на Лубянке... Как и вчера, входим в просторную светлую комнату с камином, и снова там за столом сидит Брежнев – правда, сегодня он не в спортивном костюме, а в темных брюках и в белоснежной рубашке. На столе перед ним снова графин с водкой и пепельница, полная окурков. Чувство дежавю усиливает мерное тиканье настенных часов и открытое окно с развевающимися на сквозняке занавесками...

Из вчерашней картины резко выбивается только черный пистолет, лежащий рядом с пепельницей, и пиджак, небрежно брошенный на спинку стула. Да еще свернувшийся змеей темный галстук на белоснежной скатерти стола. Видно, Брежнев куда-то собирался с утра, но плохие новости отменили его планы. Теперь вот сидит, напивается с горя – графин ополовинен.

– Комитет государственной безопасности. – Литвинов делает отмашку ксивой и сразу берет быка за рога: – Гражданин Брежнев, вы арестованы, сдайте личное оружие.

– Явились, вороны. – Ильич не трогается с места. – Кровь почуяли?

– Кровь – это скорее по вашей части, – не могу смолчать я.

Брежнев переводит на меня тяжелый мутный взгляд, и в глазах его отражается узнавание.

– Русин, ты, что ли?! Так ты тоже, оказывается, из этих... – Он кивает на Литвинова и морщится так, словно лимон проглотил.

– Леонид Ильич, с чего вдруг такое пренебрежение к КГБ? У вас вон в друзьях сразу три председателя Комитета – бывший, отстраненный и исполняющий обязанности! Это я про Шелепина, Семичастного и Захарова.

– В друзьях? – Пьяный Брежнев нехорошо улыбается. – Не смехи, Русин! Где они, эти друзья?! Втянули в свою аферу, а сами начали действовать за моей спиной...

– Так вы же не маленький, знали, на что шли, когда давали свое согласие на убийство Хрущева.

– Да не хотел я его смерти! Думал просто выиграть время и мирно Никиту на пенсию отправить.

Хорошая попытка отмазаться. Даже сделаю вид, что верю. Только ведь в моей истории именно Брежнев настаивал на физическом устранении Хрущева – Семичастный прямо рассказывает об этом в своих мемуарах.

– А вот подельники ваши по-другому решили. Переиграли они вас, Леонид Ильич!

– Чему радуешься, Русин? Думаешь, Никита тебе всю оставшуюся жизнь благодарен будет? Так он добра не помнит – завтра перешагнет и забудет! А вот я в отличие от него умею быть благодарным. Промолчал бы, не лез, куда не надо, мог бы большим человеком стать, Русин.

– А я не за спасибо стараюсь и не за блага. Мне, Леонид Ильич, за державу обидно, – повторяю я слова Верещагина, которые тоже пока никто не слышал. – Только вам, боюсь, этого не понять.

В этот момент я уже подошел к столу и, дотянувшись, подхватываю за ствол брежневский пистолет. Его наградной «вальтер» даже не снят с предохранителя. Брежнев с тоской провожает его глазами.

– Знаешь... я хотел ведь сначала застрелиться... – Ильич оборачивается на щелчок «Зенита». Это Димон творит фотоисторию. – Потом подумал: а какого черта?..

Застрелиться? Да кишка у тебя тонка! На такое ведь тоже большое мужество требуется. Литвинов, заметив на тумбе телефон, поднял трубку и набрал городской номер.

– Товарищ генерал? Это лейтенант Литвинов. Задание выполнено, куда прикажете доставить арестованных?.. Понял. Минут через сорок будем. Есть исполнять!

И скомандовал, обернувшись к Брежневу:

– Арестованный, пойдете!

Брежнев встал из-за стола и, покачнувшись, потянулся за пиджаком. Хотел надеть его, но потом махнул рукой и просто накинул на плечи. Нетвердой походкой направился к двери.

Стоило нашей группе выйти в холл, как к нам навстречу бросилась модно одетая самоуверенная брюнетка.

– Папа, что здесь происходит?! Кто все эти люди и почему твоя охрана разоружена?

Глаза разъяренной Галины Брежневой сверкают праведным гневом, присутствие вооруженных людей ее совершенно не смущает. Она по-своему красива и совершенно бесстрашна – распахивает вооруженных солдат, сминая их своим напором, и через минуту уже крепко обнимает отца.

– Галя... – Брежнев явно не знает, как объяснить дочери происходящее, растерянно гладит ее по плечу.

Я решаю прийти к нему на помощь, чтобы не задерживать наш отъезд, но щадить чьи-то нервы не собираюсь.

– Галина, ваш отец арестован за участие в антиправительственном заговоре.

Женщина резко разворачивается ко мне:

– Для вас Галина Леонидовна! И что еще за чушь, какой еще заговор?!

– Покушение на Никиту Сергеевича Хрущева. Прощайтесь с отцом, нам нужно идти.

– Что вы несете?! Никита Сергеевич вообще в курсе происходящего?

Приходится сунуть ей под нос бумагу-индульгенцию. Самоуверенности в ней резко убавляется, но отступить она все равно не собирается.

– И куда вы собираетесь его везти?

– Пока на Лубянку. – Литвинов хмуро поглядывает на часы. Солдаты переминаются с ноги на ногу, таращатся на окружающую роскошь.

– Я сейчас же позвоню Захарову!

Интересно, куда, в Склиф, что ли? Но просвещать Галину я не собираюсь, лишь равнодушно пожимаю плечами. Да звони на здоровье! Воспользовавшись ее растерянностью, Северцев оттесняет Брежневу в сторону и кивает двум своим бойцам, чтобы те задержали женщину. Литвинов вежливо, но настойчиво подталкивает Брежнева к выходу. Сцены с бурным прощанием родственников нам удастся избежать.

Я провожаю Литвинова и Северцева до бэтэра. Наблюдаю, как Брежнев неловко забирается внутрь, потом слышу его громкую ругань:

– Во что ты меня втянул, сволочь?!

Это он увидел Шелепина. Не завидую я Литвинову! Придется и этому кляп вставлять.

– Ну что, Андрей, давай прощаться? Ты их сейчас к Мезенцеву?

– Нет, сразу во внутреннюю тюрьму.

– Так ее вроде бы закрыли?

– По такому случаю уже открыли. Все, Леш, пока! Распорядись здесь и позвони Литовченко, доложи обстановку.

Я отдаю уже не нужный мне пистолет, мы жмем друг другу руки, прощаемся, и вскоре оба бэтэра с шумом покидают квартал правительственных особняков, оставляя за собой густые

клубы сизого дыма. Обалдевший от всего происходящего Димон вопросительно смотрит на меня:

- И что теперь?
- Сейчас узнаем...

Мы возвращаемся в особняк, где уже орудуют знакомые охранники с соседнего «объекта». Деловито переписывают номера и складывают в коробку конфискованное оружие, проверяют окна и двери в помещениях. Галины уже нигде не видно, и слава богу – мне сейчас не до ее истерик и претензий. К нам подходит старший из охранников, представляется капитаном Роговым:

- Какие еще будут распоряжения?
- Нужно опечатать кабинет Брежнева до приезда следователей, выставить здесь охрану.

Кто-то из родственников есть еще в доме?

– Никого, кроме Галины. Виктория Петровна сейчас в санатории вместе с внучкой, так что...

- Ну и хорошо. Капитан, проводите меня в кабинет.

Как и ожидалось, в кабинете Брежнева нашлась вертушка. Киваю на аппарат правительственной связи капитану Рогову:

- Соедините меня со своим начальством во Внуково-2.

Докладываю Литовченко вкратце обстановку, потом спрашиваю, нельзя ли поговорить с Хрущевым. Появилась у меня внезапно одна идея...

– Слушаю тебя, Русин, – голос первого секретаря ЦК бодр и деловит. И не скажешь, что человек недавно пережил покушение и выпил стакан водки.

– Никита Сергеевич, у меня к вам предложение. Попытку заговора ведь уже не скроешь, бэтээры на улицах, военные патрули, весь ЦК видел арест Шелепина, перестрелка в КГБ опять же... Так чего слухи в народе плодить и ждать, пока «вражеские голоса» все перевернут? Давайте мы сыграем на опережение! Соберем митинг на ЗИЛе, я, как очевидец, в двух словах расскажу людям о попытке теракта, пусть рабочие дадут свою оценку произошедшему на вас покушению. А завтра в утреннем номере «Правды» напечатаем статью про этот митинг.

Хрущев какое-то время молчит, и я уже думаю, что он меня сейчас пошлет матом с моей «гениальной» идеей. Но нет.

- А почему именно ЗИЛ?

– Так это одно из самых крупных промышленных предприятий столицы, сильная партийная организация на уровне райкома.

- Ты-то откуда все это знаешь, Русин?

- Недавно репортаж на ЗИЛе делал, так что в курсе.

Ну не признаваться же ему, что много чего интересного про зиловскую жизнь слышал от отца в юности. Объяснения про репортаж для Хрущева будет вполне достаточно.

– Хорошо, уговорил. Президиум свое решение уже принял, завтра собирается Пленум ЦК. Нужно, чтобы зиловцы приняли открытое обращение к предстоящему пленуму. Текст его мы сейчас с товарищами согласуем, а ты пока набросай свою речь. И сразу же поезжай на ЗИЛ, Литовченко свяжется с Первым отделом, тебя там встретят и помогут все организовать. Митинг назначьте часов на шесть, и перезвони мне, как доедешь, я тебе продиктую текст обращения и послушаю, что ты сам понаписал. Но учти, что все формулировки должны быть обтекаемые, и не нужно давать особых подробностей. Расскажешь только про попытку взорвать мой самолет. Главные заговорщики и организаторы – Семичастный, Захаров и Шелепин. Те, которых уже не скроешь.

Хрущев выводит из-под уголки Брежнева? Интересно, что он сделает с семьей второго секретаря? Галя-то ладно, а вот сильно пьющий сынок Ильича аж целый директор завода в Днепропетровске!

– Об остальных упомяни вскользь. Скажешь, что начато следствие и имена соучастников еще выясняются. После митинга сразу езжай в «Правду». Я распоряжусь, чтобы набор номера задержали и оставили место для передовицы с текстом обращения.

– Еще бы телевизионщиков на митинг, – начинаю наглеть я.

– Ладно, будут тебе телевизионщики, – Хрущев тяжело вздыхает. – Позвоню Харламову. Давай, Русин, не подведи!

– Все сделаю, даже не беспокойтесь!

– Добре, жду твоего звонка.

Кладу трубку, перевожу дух. Кажется, удалось. Хрущев был сейчас на удивление благо-разумен, никаких тебе криков и закидонов. Угроза жизни и отстранения от власти здорово вправляет мозги и поистине творит с человеком чудеса! Тянусь к стопке чистых листов, беру из стакана пару остро заточенных карандашей. Пока мысли роятся в голове, нужно срочно их записать. Строчки ложатся на чистый лист одна за другой, слова возникают в голове без усилий. Перечитываю, правлю, добавляю немного трагизма в свою будущую речь. А ведь если вдуматься, то этот митинг можно смело назвать эпохальным. Впервые советские люди узнают о борьбе за власть в верхах не из сообщений западных СМИ и не через месяц после произошедшего, слушая шепот сведущих сотрудников в курилке, а так, как и должно быть в любом нормальном государстве, – в тот же день из собственных газет и передач телевидения. Доверие к власти – оно вот так и зарабатывается!

Поднимаю глаза от практически готового текста предстоящей речи и натываюсь на задумчивый взгляд Димона. Опасно такой задумчивый. Чувствую, сейчас приятель мне что-то выдаст... этакое. Но Рогов ходит где-то рядом, так что играю на опережение, чтобы Кузнецов лишнего чего не сказал.

– Видишь, Кузнец, как обстановка складывается – не скоро мы еще с тобой в общагу попадем. Сейчас на ЗИЛ поедем митинг организовывать.

– Рус, но почему ты?!

– А кто еще? – усмехаюсь я. – Может, Гаю Брежневу пошлем?

Я многозначительно приподнимаю бровь, и Димон тушует. Бросает короткий взгляд на Рогова, который, как по заказу, входит в кабинет и согласно кивает в ответ. Молодец! За что ценю Димку – он всегда понимает намеки и знает, когда пора замолчать.

– Капитан, служебную машину нам организуете? И сразу можете печатывать кабинет.

– Не вопрос! Пойду распоряжусь.

Дождавшись его ухода, набираю Мезенцева. Трубку поднимает незнакомый мне лейтенант Фомин, но, услышав мою фамилию, тут же соединяет меня со Степаном Денисовичем. Понимая, что отнимаю у генерала драгоценное время, коротко и четко докладываю о сделанном, сообщаю, что сейчас еду на ЗИЛ организовывать митинг.

– Что еще за митинг?

Приходится объяснять Мезенцеву свою «гениальную» идею.

– Не вздумай лезть на трибуну, герой!

– Это почему? – недоумеваю я.

– А ты кто, Алексей? – от сурового голоса Мезенцева хочется поежиться, как будто пригоршню снега за шкурку кинули. – Кто ты такой, чтобы выступать на подобных митингах и рассказывать о ТАКОМ людям?!

– Но...

– Речь написал? Молодец. Прочтешь Никите Сергеевичу, и если он одобрит, то там без тебя найдется, кому ее прочитать. Еще не хватало, чтобы тебя на всю страну по телевидению показывали, и так уже засветился дальше некуда.

– Да я и так уже публичный человек – на ТВ выступал, стихи читал...

– Ты – студент. И лезть в большую политику тебе рано. РАНО! Понимаешь? Тебя в два счета подставят и сожрут, твоя писательская карьера закончится, даже не начавшись! Поэтому делай, как тебе говорят. Поезжай. Помоги организовать митинг. Но от телекамеры и трибуны держись подальше!

– А... как же поручение Хрущева?

– Я сам сейчас ему позвоню. И сам все объясню. Отбой.

Кладу трубку и озадаченно потираю лоб. А может, Мезенцев и прав, хватит на сегодня с меня подвигов? Димон снова пытается мне что-то сказать, но я знаком призываю его держать рот на замке. Будет еще у нас время поговорить. Молча собираю в стопку исписанные листы, складываю их пополам. Вперед!

Черная «Волга» с ветерком домчала нас до проходной ЗИЛа. В пути Димон опять пытался поговорить со мной, но я лишь указал ему глазами на водителя, который явно «грел уши» и просто сгорал от любопытства. А на ЗИЛе нас уже ждали.

– Александр Иванович, – представляется мне строгий дядька лет пятидесяти на вид.

Начальник Первого отдела худощав, подтянут, военная выправка видна за версту. Окидывает мое милитари оценивающим взглядом и, не обнаружив на нем никаких знаков отличия, тихо хмыкает. Впивается глазами в протянутую мной «индульгенцию», потом переводит взгляд на Димона. Расшаркиваться перед нами он не спешит – сразу видно: калач тертый и цену себе знает.

– Генерал Мезенцев звонил мне недавно, велел оказать вам поддержку. Как к вам обращаться, молодые люди?

– По-простому. Я – Алексей, он – Дмитрий.

Александр Иванович согласно кивает, дернув уголком рта на мое «по-простому», и жестом предлагает следовать за ним в здание заводоуправления. По дороге внимательно на меня смотрит. Узнал.

– Вы – Русин? Писатель?

– Он самый.

– Читал главы из «Город не должен умереть». В «Новом мире». Очень здорово написано! Когда выйдет книга?

– В августе должна по плану. – Я морщу лоб, вспоминая дату выхода. Да... Не до книг мне резко стало.

– Обязательно куплю. Какие наши первоочередные действия?

– Сначала мне нужно позвонить Никите Сергеевичу.

– Тогда нам в кабинет директора. Сам Бородин сейчас в отпуске, его замещает Петр Афанасьевич Лаптев.

Вскоре мы встречаем в коридоре и самого Петра Афанасьевича. Толстого, одышливого пузана. Узнав, куда мы идем, он начинает махать руками, и вид у зама становится испуганный.

– Вы что?! Как можно заходить в кабинет Павла Дмитриевича без его разрешения?

– Под мою ответственность, Петр Афанасьевич.

– Александр Иванович, это можно сделать только в экстренном случае!

– Так экстренный случай и настал, – прерываю я стенания зама и сую ему под нос бумагу, написанную Хрущевым. – Утром в аэропорту Внуково произошло покушение на главу государства.

Услышав такое и увидев под документом личную подпись первого секретаря ЦК КПСС, Лаптев теряет дар речи и, кажется, готов потерять вслед за ним еще и сознание. Димон оценивающе смотрит на этого колобка – как его будем тащить? Александр Иванович аккуратно отодвигает зама с дороги и кивком предлагает нам продолжить путь.

– Не орел... – констатирую я очевидное.

– Хозяйственник он хороший, но человек трусоватый, – дипломатично отвечает Александр Иванович.

– И кто у нас рабочим с трибуны объяснит, что в Москве происходит? Он же от страха заикаться начнет.

– Надо будет, сам объясню, если тезисы мне набросаете.

Я с уважением смотрю на дядьку. Этот объяснит, этот точно не сдрейфит и любой ответственности не побоится. И ему я с легким сердцем отдам свою заготовленную речь. Мы заходим в просторную и абсолютно безлюдную приемную, Александр Иванович достает ключи и открывает массивную дверь, ведущую в кабинет директора ЗИЛа. Шторы в кабинете опущены, здесь царит сумрак и воздух застоявшийся – чуть пахнет пылью. Ковровая дорожка, традиционный длинный стол для совещаний, два ряда стульев по бокам и огромный директорский стол с письменным прибором, перекидным календарем и портретами основоположников на стенах. Классика жанра – кабинет большого советского начальника. Из необычного только портрет Лихачева на стене, в пару к привычному всем Ленину, и подарочные модели машин за стеклом книжного шкафа. Ну, и интересующий нас телефон с гербом на диске, стоящий на приставном столике у стены.

Дальше мы звоним Хрущеву, тот уже успел перебраться в Кремль. Я зачитываю текст речи, он внимательно слушает, не перебивает. Но пара мелких замечаний по тексту у него находится. В конце он одобрительно хмыкает.

– Молодец, Русин! Хорошо вас профессора в МГУ учат. Все по делу и идейно выдержанно. Я тут говорил с Мезенцевым, он меня убедил, что выступать со вступительным словом должен кто-то из руководства ЗИЛа. А обращение к пленуму пусть зачитает кто-то из партактива: или рабочий, или инженер низового звена – сами там решите. Фельдъегерь с текстом обращения к вам уже выехал. Что скажешь, Алексей?

– Наверное, вы правы, Никита Сергеевич.

– Вот и я так думаю. Тебя мы решили пока побережь и не бросать на амбразуру. Ты просто аккуратно введи товарищей в курс дела, расскажи им, что произошло, но!.. – Хрущев делает многозначительную паузу. – Без лишних подробностей. И лично проследи, чтобы митинг нормально прошел. Вмешивайся только в самом крайнем случае. А потом, как и договаривались, сразу езжай в редакцию «Правды».

– Задание понял, разрешите выполнять?

– Выполняй, герой! Потом отчитаешься.

Ну а дальше завертелось, понеслось... Не успел я рассказать начальнику Первого отдела об утренних событиях и дать ему прочесть заготовленную речь, как примчался фельдъегерь из Кремля. Потом мы перешли к обсуждению кандидатуры для чтения обращения к пленуму, и к нам присоединился парторг завода. Я, конечно, не утерпел и вторым выступающим предложил своего отца – уж больно удобный случай, грех не воспользоваться.

– А ты откуда его знаешь, Алексей?

– Недавно интервью брал у Дениса Андреевича про «ЗИЛ-170».

– Понятно...

– Только не знаю, вышел ли он из отпуска – они с семьей вроде на юг собирались.

– Сейчас узнаем.

Через десять минут в кабинет Александра Ивановича входит отец – загоревший и на удивление аккуратно подстриженный – видимо, маме все-таки удалось затащить его в парикмахерскую перед поездкой на юг. Мы тепло здороваемся, я ввожу его в курс дела и излагаю ему свое предложение.

– Не испугаетесь, Денис Андреевич?

– Алексей, я в девятнадцать роту в атаку поднимать не боялся, а уж тут точно не дрогну!

– Вы фронтовик? – невинно интересуюсь я.

– Довелось немного повоевать, уже в самом конце войны. Кенигсберг брал.

– Это хорошо, тогда вам легко будет понять подоплеку нынешних событий.

Дальше я кратко рассказываю отцу о причинах отстранения Семичастного от должности, о злополучном списке двадцати двух и о том, как он якобы собирался потом переложить всю вину на ничего не подозревающего Хрущева.

– Вот гад... мы-то с мужиками думали, что врут вражьи голоса, а оно, оказывается, и правда.

Я скромно молчу, предоставляя ему самому додумывать причины мести Семичастного. Воображение у моего отца богатое, мне ли этого не знать! Потом продолжаю излагать официальную точку зрения на сегодняшние события. Отец возмущенно качает головой:

– Ни перед чем не останавливаются, подлецы! Это надо же такое придумать: взорвать самолет с невинными людьми, лишь бы самим у власти остаться?! Ну ничего святого у людей! И еще смеют себя коммунистами называть.

Нужный настрой создан, отец кипит праведным гневом, даю ему ознакомиться с обращением к Пленуму. Отец читает, одобрительно цокает языком.

– Все правильно, как коммунист и честный человек подпишусь под каждым словом. И рабочие наши подпишутся, можете не сомневаться!

Я поворачиваюсь к Александру Ивановичу:

– А как вообще сейчас настроения среди рабочих? Слышал, были проблемы с продовольствием...

– В Москве ситуация терпимая, – качает головой начальник Первого отдела. – Не сравнивать с регионами. А потом – у нас ведь рабочим талоны на муку сразу выдавать начали, и с хлебом особых перебоев не было.

Ну да... Это в Новочеркасске люди дошли до точки и забастовали, а на ЗИЛе народу есть что терять. Хорошие зарплаты, ведомственное жилье для рабочих всюду строится, и со снабжением порядок – талоны первыми получают. Многие из них вообще в столицу попали по лимиту. Дадут пинка под зад – куда потом денешься? В деревню назад поедешь? Так что побухтеть в курилке рабочие еще могут, но в открытую выступить – нет! Да и власть из Новочеркасска правильные выводы сделала: на крупных предприятиях все держит под строгим контролем.

Мои размышления прерывает прибытие съёмочной группы с Шаболовки. Мы переглядываемся с Александром Ивановичем – пора!

Глава 4

*Какое ни стоит на свете время
под флагами крестов, полос и звезд,
поэты – удивительное племя –
суют ему репейники под хвост.*

И. Губерман

С ЗИЛа мы с Димоном вырвались ближе к восьми. Не знаю, как он, а я здорово перенервничал и до конца не верил, что все пройдет гладко. Наверное, сказывался мой богатый жизненный опыт и скепсис, приобретенный с годами, это ведь только в юности все кажется легким и простым. Но митинг на удивление удался – то ли люди пока еще не так испорчены и не разучились сопереживать, то ли их и правда до такой степени возмутила наглость заговорщиков.

Лучше всех, конечно, выступил начальник Первого отдела. Прирожденный оратор, не хуже самого Левитана, похоже, что на фронте политруком служил. Когда он начал суровым голосом проникновенно рассказывать о покушении на Хрущева, в цеху такая тишина наступила, что стало слышно жужжание телевизионной камеры. И на лицах людей было написано такое искреннее сопереживание, что у меня мурашки по коже пробежали. Александр Иванович так сумел произнести речь, что, не зная я этих слов, которые сам же и написал, ни в жизни не догадался бы, что он читает их с листа. Конечно, он и от себя много добавил, но все было по делу и идейно выдержанно. Молодец! После него многие уже сами без указки рвались на трибуну, чтобы высказать свое возмущение действиями заговорщиков. И рабочие из разных цехов выступали, и кто-то из ИТР, вот только трусливое молчание Лаптева на их фоне выглядело несколько странно. Потом парторг предложил принять обращение к предстоящему пленуму ЦК, и его горячо поддержали.

Здесь настал звездный час отца. Денис Андреевич выглядел на трибуне очень представительно, и обращение зачитал уверенным голосом. А слова-то какие прозвучали!

«...Мы, простые советские люди, убедительно просим вас быть беспощадными к этим отбросам, этим жалким подонкам и негодьям, которые набрались наглости и перестали уважать наш советский строй, наши советские законы. Мы просим вас, чтобы таким же другим неповадно было, пинком под зад выгнать всю эту преступную шайку из партии, чтобы они не поганили впредь имя коммунистов, и судить их по всей строгости советских законов. Мы требуем справедливого и тяжелого наказания за все их деяния...»

Но сейчас такие слова – это нормально. И отец произносит их с чувством, искренне. Я даже залюбовался им. Понятно, что шанс на хорошую карьеру у него сегодня появился нехилый, а уж как он им распорядится в этой жизни...

Случилась на митинге и пара смешных моментов. Димон решил сделать несколько исторических фото и нечаянно привлек этим внимание к моей персоне одного из операторов. Тот узнал меня по «Огоньку» и загорелся идеей увековечить:

– Русин, а давай я тебя крупным планом сниму на фоне митинга, здорово получится, такая фактура! В новостях покажут.

– Спасибо, но не стоит. Меня здесь не было, и вы меня не видели.

Оператор на секунду опешил от моего отказа, потом что-то себе надумал и хитро заулыбался:

– Чего ж не понять! Тебя здесь не было, – и тут же, без паузы выдает заговорщицким шепотом, кивая на мой милитари и осторожно оглядываясь по сторонам: – Русин, а ты здесь на секретном задании, да?!

Я страдальчески закатываю глаза. Нет, ну что за люди пошли! Везде им шпионские страсти и детективы мерещатся. И это они еще фильмы про Бонда не видели. Да и, похоже, долго еще не увидят – фильмы бондианы посчитали в ЦК не только идеологически вредными, но заодно и порнографическими.

Оставшееся время я стараюсь не попадаться на глаза телевизионщикам и скрываюсь от них за одной из колонн. Правда, и здесь я умудрился подслушать забавный чужой разговор. Два субъекта, по виду инженеры, в костюмах-галстуках и с портфелями, обсуждали вполголоса заканчивающийся митинг.

– Думаешь, не случайно? – тихо спрашивает один.

– А у нас случайно даже кирпичи на голову не падают! – отвечает другой.

– Провокация?

– Конечно, мы – прыг, а они – хоп!

– Что же делать?

– Ничего. Поливать редиску оружейным маслом!

А до меня не сразу доходит, что это намек на популярный сейчас анекдот про деда, схоронившего со времен Гражданской войны в грядках пулемет и каждый день поливавшего его маслом, чтобы не поржавел до нужного часа.

Митинг тем временем завершается, мы тепло прощаемся с Александром Ивановичем и, прихватив экземпляр обращения, заверенный подписями отца, и. о. директора, глав парткома и профкома, мчимся в редакцию «Правды» на директорской служебной «Волге». Водитель – говорливый пожилой украинец, представившийся нам Сан Санычем, – не умолкает всю дорогу, пытаясь выпытать у нас с Димом подробности неудавшегося покушения. Еще один любитель секретной информации нашелся! И, кажется, он искренне обиделся за то, что мы не выложили ему все, что знаем. Впрочем, на его говорливости это никак не отразилось.

Пропуская пустой треп на суржике мимо ушей, делаю легкий прокол в памяти, готовясь к встрече с главредом «Правды».

Павел Алексеевич Сатюков – человек Хрущева, один из его советников. Соавтор книги «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США». В 1960-м он получил за эту книгу совместно с другими соавторами Ленинскую премию. Имеет 6 (!) орденов Ленина. Как там Филатов писал? «У меня награда не счесть: весь обвешанный, как елка, на спине – и то их шесть!»

Но по прибытии в редакцию вдруг выясняется, что главред в загранкомандировке. Мне снова надо иметь дело с очередным замом. Ну засада! Хотя понятно: конец июля – все в отпусках и разъездах. Только у меня уже сил нет на новые знакомства и очередной пересказ событий незнакомому человеку. С самим Сатюковым можно было бы говорить вполне откровенно, а с его непонятным замом? Что он за человек? Какой группировке симпатизирует? Нет уж... лучше иметь дело со знакомым, от которого хоть знаешь, чего ждать, тем более что мои широкие полномочия, подтвержденные подписью Хрущева, вполне позволяют мне сделать выбор по своему усмотрению. Поэтому прошу секретаршу главреда вызвать мне Когана-старшего. Потом набираюсь наглости и еще прошу ее сделать нам с Димкой чай. В горле пересохло, а когда я ел сегодня, вообще не помню, кажется, рано утром что-то сунул на бегу в рот перед самым выходом.

Через несколько минут Марк Наумович входит в приемную. Лицо усталое, узкие плечи сгорблены, седые волосы по бокам лысины всклокочены. Оно и понятно – на часах почти восемь, а Коган-старший еще на работе, как и та часть коллектива, от которой зависит запуск

номера в печать. Нелегка ты, журналистская доля! Но когановская белая рубашка, накрахмаленная Мирой Изольдовой, даже вечером в идеальном порядке.

– Алексей, Дмитрий?! – Его кустистые седые брови удивленно взлетают вверх. – Что вы здесь делаете?

Вместо ответа по очереди протягиваю ему «мандат», подписанный Хрущевым, потом свою речь с митинга с кратким изложением событий, последним вручаю обращение зилонцев к пленуму. Марк Наумович быстро пробегает глазами бумаги, бросает нечитаемый взгляд на секретаршу – даму средних лет, непроизвольно покусывающую от любопытства свои полные губы.

Коган тихо матерится, я слышу: «...Такого еще не было».

– Так это мы вас, оказывается, ждем?! – Журналист еще раз пробегает взглядом обращение. – Вот из-за этого вся редакция на ушах стоит?

– Нас. Марк Наумович, принимайте на себя командование. Как я понял, Павел Алексеевич в командировке, а я здесь, кроме вас, ни с кем не знаком.

– Я, конечно, готов... – «золотое перо “Правды”» задумчиво поглаживает лысину. – Но что конкретно надо делать?

– Набросать передовицу и вставить в нее это обращение к завтрашнему пленуму. Хрущев одобрил.

Коган оборачивается к востроенной секретарше:

– Верочка, нам придется воспользоваться кабинетом Павла Алексеевича, ситуация чрезвычайная.

– Конечно, Марк Наумович! А...

– И найдите для молодых людей что-нибудь перекусить, подозреваю, что поесть им сегодня было некогда.

– Хорошо, я сейчас все организую.

– Потом минут через сорок вызовете нам кого-нибудь из корректоров и метранпажа, я думаю, к тому времени мы управимся.

Секретарше приходится умерить любопытство и срочно заняться делами. Коган широко распахивает перед нами двери главредовского кабинета.

– Прошу...

Я без особого пиетета окидываю взором обиталище Сатюкова. Это сколько же кабинетов мне сегодня довелось увидеть? И сам уже со счета сбился. Но по большому счету все они для меня теперь на одно лицо – всего лишь временное казенное пристанище высоких чиновников, с той лишь разницей, что где-то обстановка побогаче, а где-то – попроще. «Командный пункт» главной газеты страны явно проигрывал стильному кабинету Аджубея, а уж тем более роскошному цэковскому кабинету Шелепина.

Марк Наумович сел рядом со мной за длинный стол для совещаний, не спеша достал трубку, набил ее табаком из кисета, раскурил, пахнув на меня табачным ароматом. Димка прилежался напротив нас, сняв наконец с шеи фотоаппарат и с интересом посматривая по сторонам. Ну да... когда еще ему удастся в кабинете главреда «Правды» побывать.

– Рассказывай, Алексей, как из простого студента в комиссара превратился. Хотя какого уж «простого»... Роман твой в «Новом мире» печатается, в «Огоньке» тебя снимают, в Кремле с трибуны выступаешь...

– Марк Наумович... я не уверен, что могу все вам рассказать. Здесь затронуты государственные интересы.

– А мне все и не надо, боже меня упаси от этих гостайн! Но ты же понимаешь, что невозможно написать хорошую передовую статью «Правды» лишь на основании этой бумаги... – Он кивает на текст моей речи. – Как минимум это непрофессионально. К тому же я сам полжизни живу под подпиской.

– Понимаю.

– Тогда предлагаю так. Я тебе даю слово коммуниста, что дальше меня рассказанное не пойдет, а ты вкратце, без лишних секретных подробностей, рассказываешь мне, что же произошло на самом деле.

Я кошусь на Димона. Вот у кого точно подписки нет. Имел ли я вообще право втягивать друга во все это? Коган правильно расценивает мою заминку. И быстро переводит разговор на другую тему:

– Дмитрий, а ты митинг фотографировал? У тебя там есть хорошие кадры, которые нам можно было бы использовать?

– В передовой статье «Правды»?! – Изумлению Кузнецца нет предела.

– А что такого? Если снимки у тебя хорошего качества...

– Ну, не знаю... А потом... на этой пленке много и наших с Лешей личных кадров, мне не хотелось бы их отдавать в чужие руки.

Вот это Димон молодец! Вовремя сообразил, что на пленке заснято много лишнего. Нам за такую утечку Мезенцев потом головы обоим открутит.

– Хорошо. Тогда я вызываю Леву, и вы вместе сходите в фотолабораторию, чтобы пленку проявили на твоих глазах и ты сам смог отобрать негативы только кадров с митинга.

Надо было видеть Левино лицо, когда он обнаружил своего отца в кабинете Сатюкова, да еще в компании нас с Димоном, с жадностью поглощающих бутерброды и запивающих их крепким чаем. Глаза бедного Когана-младшего чуть из орбит не вылезли.

– А что здесь у вас происходит?

– Все вопросы потом, Лева. А сейчас отведи Диму в фотолабораторию. – Коган-старший, не отрываясь от речи, кивнул в сторону двери. – Как только будут готовы пробные снимки, быстро возвращайтесь. – Заметив, что сын снова открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, строго окоротил его: – И поскорее, Лева, люди ждут!

После ухода ребят мне все-таки пришлось пересказать Когану свои приключения. Пусть кратко и без излишних подробностей типа стрельбы на Лубянке и апперкота Шелепину, но все-таки... В моей версии все было довольно невинно: случайно узнал о заговоре, неосторожно довел Аджубея до сердечного приступа, потом за компанию с Мезенцевым рванул во Внуково спасать Хрущева. Ну а дальше мне и деваться уже было некуда: первый секретарь сказал «Надо!» – комсомолец Русин ответил «Есть!». Аресты, митинг.

– А мы с коллегами все гадали, кто этот бородатый парень, что ЦК на уши поставил! А это, оказывается, ты был?!

– Неправда ваша, Марк Наумович! Там все тихо прошло. Без шума и пыли!

– Ну конечно! А кто на Старую площадь на двух бэтээрах с ротой автоматчиков появился?

– А нам что, на велосипедах туда приехать надо было? А Шелепина потом на площадь Дзержинского пешком вести?!

– Ох, Алексей... влез ты в историю, – укоризненно качает головой старый еврей, выбивая оставшийся табак из трубки в пепельницу. – Куда катится мир... В Гражданскую войну историю творили комиссары в пыльных шлемах и кожанках, а теперь бородатые студенты в хаки. Ладно, давай заниматься делом.

...Это я-то наивно считал, что пишу замечательно?! Коган играючи уронил мою самооценку, спустив с небес на землю. За несколько минут моя посредственная речь была превращена в безупречную передовицу, где каждое слово было идеологически выверенно и отточено, словно острый клинок. До такого мастерства мне еще учиться и учиться.

Потом пришли замы Сатюкова, тяжело вздыхали, недовольные моим самоуправством, но не выступали, лишь закатывали глаза. Звонили по вертушке Хрущеву. Тот их материл так, что было слышно во всем кабинете.

– Что так долго возитесь?!

И дальше «тра-та-та». Похоже, что Никита еще добавил в Кремле.

Замы что-то блеют, нервно вытирают пот со лба. Попасть под раздачу Хрущева – это испытание не для слабонервных. Вот только новых сердечных приступов нам здесь и не хватает! Пришлось мне забирать трубку и успокаивать разбушевавшегося первого секретаря.

– Никита Сергеевич, это Русин. Не волнуйтесь, мы уже все подготовили в номер, товарищ Коган отличную передовицу написал к завтрашнему пленуму. – Я перемигиваюсь с отцом Левы. – И даже фотография с митинга будет. Сейчас вот ждем снимки из фотолаборатории и сразу же, не откладывая, запускаем в печать. Все сотрудники издательства на рабочих местах и готовы ударно трудиться, пока завтрашний номер «Правды» не выйдет из печати.

Хрущев оттаивает, голос его заметно смягчается.

– Молодец, Русин, что все держишь под контролем, поработал сегодня на славу! Погоняй там Пашкиных бездельников, а то распустил он их. И ты это... как сдашь номер в печать, езжай-ка сразу домой отдыхать. Хватит с тебя на сегодня подвигов. Об остальном завтра поговорим.

Вежливо прощаюсь. Кладу трубку. Мысленно вытираю пот. Очень надеюсь, что про «завтра» – всего лишь оборот речи. При такой бурной общественно-политической жизни, как сегодня, меня надолго не хватит!

Передовица подписана, ее передают в работу корректору. Замы ушли, счастливые, что буря сегодня обошла их стороной, а мы остались ждать фотографии. Пока я допивал остывший чай, Коган задумчиво рассматривал меня.

– Алексей, захочешь ли ты выслушать совет старого еврея? – Марк Наумович снова закурил.

– Почему бы и нет? – пожимаю плечами я.

– Ты ведь сейчас в Че Гевару играешь? Думаешь, он герой для подражания? Так хочу тебя разочаровать – он хорош в бою, а в мирной жизни еще наломает дров, попомни мои слова. С его характером умчится делать революцию в какой-нибудь Африке и сгинет без пользы.

Как в воду глядит Коган. Хоть образ пламенного революционера давно и намертво приклеился к «товарищу Че», сам я никогда не питал иллюзий на его счет. Потому что как историк привык оперировать фактами, а они говорят не в его пользу. Но сейчас комсомольцы повально им восхищаются, и мне положено – негоже выпасть из общей струи.

– Нет, Марк Наумович, спешу успокоить вас – попадание в образ произошло случайно. И борода моя тоже случайна – она всего лишь прикрывает шрам, полученный в драке.

– Ну, спасибо, что успокоил, а то уж я начал волноваться! – подтрунивает надо мной Коган, но вдруг становится серьезным: – И вообще: держался бы ты от всего этого дерьма подальше, Леша.

Он кивает на бумаги, разложенные на столе. Ишь ты, еще один мудрый советчик нашелся! А вот здесь ты уже не прав, Марк Наумович, – держаться от всего этого в стороне уже не получится. Да и кто дерьмо разгребать будет? Если по-интеллигентски воротить нос от политики, то страну нашу великую мы снова потеряем. И придется твоим сыновьям эмигрировать в Америку или на историческую родину, чтобы жить по-человечески и за твоих будущих внуков не бояться. Но вслух я, конечно, говорю ему совсем другое:

– Я пытаюсь, но знаете древнегреческую поговорку? «Желающего судьба ведет, а не желающего – тащит». Это ведь про меня.

– У древних греков на любой случай оправдание найдется. Но не стоит быть фаталистом, Алексей, и плыть по течению.

Прислушиваюсь к нежному перестуку СЛОВА в голове. Сегодня оно чем-то напоминает советский гимн.

– Вот уж кто-кто, но точно не фаталист! Скорее та лягушка в крынке с молоком – дрыгаю лапами, чтобы не утонуть.

Коган открывает рот, чтобы изречь очередную еврейскую мудрость, но тут вваливаются довольные парни с пачкой еще влажных фотографий, и наш философский диспут на этом обрывается, толком не начавшись. Каждый остается при своем мнении.

Вскоре подходящий снимок выбран, передовица уходит в печать. На этом наша миссия окончена. Сделав контрольный звонок Мезенцеву и отчитавшись о проделанной работе, мы с Димоном откланиваемся. Лева обещает навестить нас с утра в общаге, только его обещание почему-то больше напоминает угрозу. Похоже, мне завтра предстоит очередной допрос с пристрастием. А вот Коган-старший подобнее своего сына. Посмотрев на наши с Димоном замученные лица, он вызывает нам служебную «Волгу», и до общаги мы добираемся с большим комфортом. А главное – в тишине. Индустрий уже спит, и мы тоже обессиленно валимся на кровати.

* * *

18 июля 1964 года, суббота, 8.00. Москва, общежитие МГУ

Просыпаюсь от громкого вопля Индуса, который носится по комнате, потрясая свежим номером «Правды».

– Вы чего спите, парни?! Все на свете проспали! В стране заговор раскрыт, внеочередной пленум ЦК собирается.

Приоткрываю глаза и сразу встречаюсь с вопросительным взглядом Кузнеца. Делаю ему знак молчать. А Индус, не замечая наших переглядываний, начинает с чувством читать нам передовицу Когана-старшего. Потом вдруг удивленно замечает:

– Кузнец, а у тебя родственник в «Правде», случайно, не работает? Смотри, под фотографией митинга фамилия их корреспондента: Д. Кузнецов. Или просто твой тезка?

Опачки! Но мысли у Индуса, как мячики для пинг-понга, – прыгают в разные стороны, не уследить. Через секунду газета уже забыта, и Индус начинает пересказывать нам вчерашние слухи и новости.

– Не знаю, где вы вчера шлялись весь день, что не видели в Москве танков и бэтээров. Тебя, Русин, кстати, Вика разыскивала, несколько раз заходила. Так вот, наши ребята с юридического вчера были в центре. Они говорят, танки там на каждом перекрестке стояли, и патрули военные на улицах.

– Брехня! – констатирует Димон и, подкравшись, выхватывает газету из рук зазевавшегося Индуса. – В стране столько танков нет, сколько в центре Москвы перекрестков. Да им в центре города и развернуться-то негде! Индус, ты эти перекрестки вообще видел?

Поняв, что поспать мне больше не дадут, натягиваю треники и иду умываться. Димон завис над газетой, с гордостью рассматривает свою фотографию митинга на первой странице «Правды». Надо будет аккуратно стирать газету у Индуса и сохранить ее для истории. Первое крупное дело нашего СПК все-таки. Надеюсь, не последнее.

В ванной сквозь шум воды слышу стук в дверь и Левин голос. Явился мой мучитель! Всю ночь, наверное, не спал, еле утра дождался. Надо увезти их с Димоном на Таганку или в Абабурово, здесь поговорить спокойно все равно не дадут.

Снова стук в дверь. Кого там еще принесло? Обреченно вздохнув, выхожу из ванной, чтобы тут же поймать в свои объятия взволнованную Вику. Непричесанная, с отпечатком подушки на щеке, моя верная подруга виснет у меня на шее, прижимается ко мне, не обращая внимания на друзей. От ее запаха и приятных округлостей кружится голова.

Девушка тем временем с тревогой заглядывает мне в глаза.

– Лешенька, ты где вчера был?! Я вся извелась, места себе не находила! В голове такое творилось, что заниматься не могла... А потом, знаешь, вдруг вечером как-то разом отпустило и отхлынуло, я прямо за столом над учебником заснула, представляешь?!

Представляю, милая... Вот только не знаю, стоит ли посвящать тебя во все. И врать тебе не хочется, и всю правду сказать не могу. Надо бы найти какую-то золотую середину... Только я открываю рот, чтобы предложить Вике поехать с нами с ночевкой в Абабурово, как в дверь снова стучат. Да сговорились они, что ли?!

В дверях стоит Литвинов. О нет... только не он!

– Собирайся, Алексей, поехали.

– Куда? – мученически закатываю я глаза. – У меня же практика в «Известиях».

– Кончилась твоя практика, – мрачно отвечает невыспавшийся лейтенант. – Поехали!

Глаза красные, усталые. Явно не спал ночью. И на фиг ведь Литвинова не пошлешь – парень при исполнении. Приходится мне собираться. Друзья сочувственно провожают меня глазами. Впрочем, это откладывает мои объяснения с ними до вечера, и теперь у меня еще есть время подумать. Суббота у нас в стране пока рабочий день, так что сейчас все разбегутся на практику, а Вике надо готовиться к экзамену в понедельник, химия – это вам не шутки.

Когда Литвинов привозит меня на знакомое до боли Воробьевское шоссе, я с тоской понимаю, что хрущевское «завтра поговорим» никакой не оборот речи. И мои планы тихо свалить на выходной в Абабурово под угрозой.

Сегодня мы для разнообразия тормозим у дома № 9, а не 11. Перед воротами застыл знакомый БТР, вокруг прохаживаются бойцы капитана Северцева. Хотя нет, теперь уже наверняка майора Северцева. Дружески машу ребятам рукой, захожу вслед за Литвиновым в калитку. Охрана на входе приветствует нас с Андреем как старых знакомых, что, впрочем, не мешает им тщательно провести досмотр. С первого взгляда понятно, что охрану особняка усилили – у парней не только автоматы, но и броники на них надеты. Во дворе полно служебных машин.

Литвинов остается ждать, а меня принимает Литовченко и уводит в главный дом. Внешне он не многим отличается от особняка Брежнева, да и внутри похож. Проходим по коридорам и попадаем прямо в гардеробную Хрущева, где тот заканчивает одеваться в строгий костюм – видимо, собирается в Кремль, на пленум. Вокруг него хлопочет приятная пожилая женщина с круглым простоватым лицом и вьющимися волосами, забранными в пучок.

– Здорово, Алексей! – Хрущев жмет мне руку. – Отдохнул?

– Доброе утро, Никита Сергеевич!

– Познакомься с моей женой, Ниной Петровной, – представляет он мне свою верную подругу жизни. – А это, Нина, наш молодой герой – Алексей!

– Приятно познакомиться, Лешенька! – Нина Петровна одаривает меня ласковой улыбкой и тут же смущается: – Ничего, что я так, по-простому?

– Ничего! – улыбаюсь я в ответ.

Пиджак Хрущева украшают орденские планки и Звезда Героя Советского Союза. Странно, что по такому важному случаю, как пленум, он не надел все свои ордена. Хотя там такой иконостас, что замучаешься таскать на себе, а Никита – мужик энергичный, подвижный – он ему явно мешает. Только Звезд Героя Соцтруда у него три штуки, а орденов Ленина аж целых семь! И это не считая всего остального, включая фронтовые и зарубежные награды.

– А теперь пойдем-ка, познакомлю тебя с семьей. Дочь Рада, правда, в больницу к мужу поехала, но сын и две другие дочки сейчас здесь. Вчера к вечеру все примчались, волнуются за меня!

Хрущеву явно приятна такая забота детей, а они у него и впрямь хорошими выросли. Семья Хрущевых дружная, сплоченная. Когда отца сняли со всех постов, дети стали ему настоящей опорой. Но надеюсь, что в этой реальности им такого пережить не придется.

В просторной комнате, которая в этом доме была отведена под столовую, нас встретили три молодые супружеские пары. Хрущев по очереди представил мне дочерей и их мужей, потом сына Сергея со снохой Галиной. Чтобы сразу представлять, о ком сейчас идет речь, я попутно делаю легкие проколы в памяти.

Дочь Елена, худенькая и болезненная женщина в очках, больше похожая на мать, – сотрудник Института мировой экономики и международных отношений. Ее муж Виктор Евреинов – сотрудник Института химической физики – впоследствии он станет известным химиком. А вот век Елены будет недолог...

Юлия – светловолосая, симпатичная, моя ровесница – окончила факультет журналистики МГУ, работает в АП «Новости». Муж, который стоит рядом с ней, – Лев Петров, тоже журналист. Милая и интеллигентная пара. СЛОВО подсказывает, что Лев на самом деле сотрудник ГРУ, а еще прекрасно перевел с английского несколько рассказов Хемингуэя. В прежней реальности он поспособствовал передаче на Запад мемуаров Хрущева. Несмотря на молодость, замужем Юля во второй раз, первым же ее мужем, которого Хрущев недолюбливал, был Николай Шмелев. Да-да! Тот самый наш известный экономист, который нещадно критиковал Горбачева и чьи идеи легли в основу утопической программы Явлинского «500 дней». Как же тесен мир! Ну и напоследок семейная тайна – Юля на самом деле внучка Хрущева, дочь его сына Леонида. Ее Никита Сергеевич удочерил после гибели сына и ареста снохи НКВД.

И наконец, сын Сергей – очень похожий на отца, полноватый блондин в очках – окончил МЭИ, работает конструктором в ракетном КБ Челомея, защитил докторскую диссертацию, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Самый известный из детей Хрущева – отец советуется с ним почти каждый день. Не погуляв с сыном и не излив свои эмоции, Никита не ложится спать.

Жена Сергея Галина на фоне мужа выглядит серой мышкой.

Держатся родственники Никиты Сергеевича со мной по-простому, спрашивают, кто я и откуда, но, услышав, что сирота, тактично переводят разговор на мою учебу. Юля, узнав, что я учусь на том же факультете, который окончила она, тут же начинает расспрашивать про знакомых преподавателей. Потом речь заходит о практике. Обсуждаем состояние Аджубея. Главный редактор «Известий» лежит в третьем корпусе кремлевской больницы, и к нему после инфаркта еще не пускают. И вновь ситуацию спасает дочь Хрущева. Вновь тактично меняет тему беседы, интересуется моими жизненными планами.

В кругу этой дружной семьи чувствую себя так, словно знаком с ними сто лет, и я с удовольствием пообщался бы еще, но Никита Сергеевич строг:

– Так, а кто за вас работать будет, бездельники? Езжайте-ка все на работу!

И, дав нам всем проститься, шустро утаскивает меня в сад.

– ...А это у меня липецкая белая картошка, – Хрущев с гордостью указывает на зеленые кусты на грядке. – Вкуснее, чем красная. Красная у меня вот там посажена...

Я смотрю направо, куда теперь машет рукой Никита. Никакой разницы в кустах я заметить не могу. Вроде листья потолще и помясистее? Ну, впрочем, я не агроном и даже не ботаник.

Мы идем по дорожкам между грядками с укропом и тыквами, первый секретарь ЦК КПСС с энтузиазмом, достойным лучшего применения, вводит меня в курс своих огородных успехов и опытов. Никита не на шутку увлечен сельским хозяйством, раз даже у себя, на государственной даче, разбил большой замечательный огород. Парники, высокие грядки, капельный полив и... сразу несколько садовников, которые вдалеке копошатся в междурядьях – то ли что-то уже собирают, то ли просто землю перекапывают. Вдалеке, у самого забора, вижу подсолнухи и, конечно, кукурузу. Ее желтые початки торчат по всем огороду. Нет, не зря ему в народе кличку дали Кукурузник, а интеллигенция не отстает от простого народа в язвительных насмешках: «Великий Кукурузо!»

– А там я мечтаю гидропонную теплицу построить, да все руки никак не доходят. Ты, поди, и не знаешь, что такое гидропоника? Это, брат, такая замечательная штука...

И вот как в этой натуре уживаются матерый партokrat с простодушным, увлеченным «колхозником»?

Мы свернули в плодовый сад и теперь шли по его дорожкам. Погода пела. Солнце уже начало припекать, и, хотя полуденная жара еще не настала, в тени раскидистых деревьев гулять было намного приятней.

– Алексей, ты же мне жизнь спас. – Хрущев внимательно посмотрел на меня. – Прости что хочешь.

«Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое» – Евангелие от Луки. Я легко «кольников» память. Да, точно, глава четвертая.

– Я хочу одного – сказать вам правду, Никита Сергеевич. В лицо. И прошу выслушать меня без обид, спокойно.

– Обещаю!

Я тяжело вздохнул. Хватит ли у него терпения при его-то болезненном самолюбии?

– Вы, Никита Сергеевич, настроили против себя всех без исключения в стране. Всех. В армии – сильное недовольство сокращениями и незаслуженной Звездой Героя Насеру и его вице-президенту.

Хрущев поморщился, но смолчал.

– В партийной элите бесятся из-за разделения обкомов, постоянных перетасовок и бесконечных цеу сверху. Которые никто даже исполнить не успевают. В КГБ тоже недовольны. За десять с лишним лет на посту первого секретаря вы присвоили генеральских званий – по пальцам одной руки пересчитать. Сейчас областными управлениями полковники и майоры руководят. А те области больше средней европейской страны будут.

– Кто это тебе сказал?! Мезенцев?

– Я не только с ним в КГБ знаком, – дипломатично ответил я.

Надеюсь, что до выяснения моих контактов дело все же не дойдет. Ибо там я знаком, кроме Мезенцева, только с Литвиновым.

– Наконец, вами недоволен простой народ.

– Эти-то чем?

– Вы и сами знаете. По всей стране проблемы с продовольствием. Зерно в Канаде закупает. И это в тот момент, когда мы раздаем миллиарды нашим союзникам по всему миру и кормим кучу зарубежных дармоедов. Крестьяне ненавидят вас за ликвидацию подсобных хозяйств, уничтожение личного скота...

Лицо Хрущева постепенно наливалось краснотой. Видать, давненько его так не возили «по столу мордой». Ща рванет.

– Ты все сказал?

– Нет, Никита Сергеевич, не все. И прошу выслушать меня до конца. Про интеллигенцию я промолчу, эти любую власть ненавидят. Но я для чего вам это все говорю? При такой обстановке новый заговор и отстранение вас от власти – это просто вопрос времени. Не «комсомольцы» и КГБ, так военные и первые секретари обкомов. Или еще кто-нибудь из недовольных. А остальные с радостью подхватят.

Повисло тяжелое молчание. Хрущев уставился в одну точку и мучительно о чем-то размышлял.

– Если ты такой умный, что же мне прикажешь делать? Сдаться и уйти?!

– Нет. Уйти сейчас – это трусость и предательство партии, предательство страны. Теперь, после всех последних событий, вы уже просто так уйти не можете. – Я пожал плечами. – Да и потом: ситуация тяжелая, но вовсе не критичная и не такая безнадежная. Кое-где можно откатить назад, в остальном грамотно скорректировать внутреннюю и внешнюю политику. Главное – в этот сложный период «корректировки» не дать партийной элите устроить новый заговор. А для этого первым делом следует отменить запрет на разработку первых секретарей райкомов и обкомов КГБ.

– Хорошо, я отменил запрет, – внешне покладисто согласился Хрущев, но лицо его еще больше налилось кровью. – А за ними кто следить будет? За самими комитетчиками?!

Традиционная проблема – кто контролирует контролера? В западных странах зарваться спецслужбам не дает институт свободной прессы, независимый суд и сам народ, который политически активен. Он может снять на выборах любую власть за косяки силовиков, примеров тому в современной истории масса. Например, импичмент Никсона, чьи спецслужбы перед выборами «зарядили» прослушку к конкурентам-демократам.

Но в СССР 1964-го нет абсолютно никаких гарантий, что КГБ с расширенными полномочиями не превратится в ежовское НКВД образца 1937 года. Все прежние традиции еще живы. Вместе с их носителями. А в народе уже есть тоска по «сильной руке», которая наведет порядок в стране. И это действительно проблема, возразить мне на это нечего.

После смерти Сталина жесткий партийный контроль над чекистами был средством не допустить новые массовые репрессии, и прежде всего в отношении себя, любимых, – в отношении правящей номенклатуры. Именно КГБ подвергся наибольшему контролю и вмешательству со стороны КПСС, все сотрудники КГБ были либо коммунистами, либо комсомольцами. Но при этом КГБ не перестал быть органом политического сыска и борьбы с инакомыслием. Так что да, контроль над КГБ – краеугольный камень в основании власти в СССР.

– Никита Сергеевич, но ведь Сталин же с ними как-то справлялся? – произношу я после долгой паузы.

– Ну... у Сталина была своя личная спецслужба, – задумчиво себе под нос пробормотал Хрущев. Цвет его лица уже вернулся в норму, похоже, «буря» миновала. – Называлась Особая служба при ЦК ВКП(б)... Где-то в сейфе даже были документы про нее, которые мы с Маленковым изъяли у Берии после его ареста.

Хрущев полностью погрузился в свои мысли, и дальше мы уже в тишине шли к дому по дорожкам парка. И на шута в вышиванке он сейчас походил меньше всего. Лишь у самого входа Никита Сергеевич обернулся ко мне, внимательно посмотрел в глаза.

– Хороший ты парень, Русин! Правильный. Другой бы о себе в первую очередь подумал, а ты уже второй раз меня спасаешь, ничего не требуя взамен. Знаешь что? Теперь я сам о тебе позабочусь! И ты об этом не пожалеешь.

Я еще раз пожал плечами. Как там у Грибоедова? «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Нет, не о Хрущеве я забочусь, о стране. Просто сейчас сближение с ним – это единственно правильный путь. Вон и СЛОВО помалкивает...

Заходим в дом, в коридоре нас перехватывает невысокий мужчина в белом халате:

– Никита Сергеевич, давление бы перед выездом померить!

– Отстань, нормально у меня все с давлением. Будут жалобы – скажу.

Хрущев тянет меня за рукав дальше, и мы входим в его рабочий кабинет. Он простой, без изысков, никогда и не скажешь, что здесь работает первое лицо страны. Кабинет какой-то казенный и безликий. Даже обязательных портретов Ленина с Марксом нет.

Тем временем Хрущев выдвигает ящик стола, среди множества бархатных коробочек выбирает одну. Открывает – в ней орден Боевого Красного Знамени. Торжественно подходит ко мне:

– Алексей! Эту награду ты заслужил, как никто, – спас страну от переворота. Будь моя воля, ты бы и Героя Советского Союза получил. Но... нет там в перечне заслуг «предотвращения переворота», не поймут люди. Хотя... и у этого ордена тоже нет. Поэтому награждаю тебя за проявление доблести, смелости и находчивости. Носи эту высокую награду с честью!

Сам прикалывает орден на мою грудь, обнимает меня и долго трясет мою руку. Я стою растерянный. Это по-настоящему неожиданно для меня. Зато Хрущев прямо светится от удовольствия.

– Бумаги потом пришлю, а сейчас пойдем, проводишь меня до машины, я и так уже опаздываю в Кремль.

Во дворе мы тепло прощаемся, Хрущев усаживается в «ЗИЛ», офицер охраны захлопывает за ним дверцу. Кортёж из нескольких машин плавно вырывается со двора в распахнутые ворота особняка и, набирая скорость, скрывается вдали. Я долго стою у ворот, глядя им вслед.

Первый секретарь ЦК КПСС поехал творить историю. А БТР... он остался на своем посту, ему не угнаться за машинами с форсированным движком.

– Видел, сколько сегодня охраны? – со спины незаметно подошел Литвинов.

– Тебя Мезенцев надолго прикрепил к Хрущеву?

– Нет, всего лишь временно прикомандировал для спецпоручений. Сейчас отвезу тебя и сразу поеду в Комитет.

Ну да... кому еще Мезенцеву доверять, как не проверенному лейтенанту. Хотя... какой он проверенный – всего несколько дней у генерала... Но зато уже кровью повязанный. Как и я сам.

Глава 5

*Я к мысли глубокой пришел:
на свете такая эпоха,
что может быть все хорошо,
а может быть все очень плохо.*

И. Губерман

Поднимаясь по ступеням общежития, я уже прикидываю в голове планы на вечер. Так... сейчас пойду переоденусь, уберу подальше орден – не нужно пока его светить, потом нужно будет позвонить Леве на работу и смотаться в приемную комиссию к Димону. Ну и к Вике по пути забежать. Раз я один сегодня такой свободный, то придется мне взять на себя все хлопоты по покупке еды. И Мезенцеву позвонить – предупредить, что до завтрашнего вечера сваливаю из города, и сообщить, где меня искать в случае чего.

Но в холле на меня налетает торнадо по имени Оля, и все мои планы мигом летят к псу под хвост. Пылесос одета необычно. Впервые вижу девушку – вообще девушку, а не Быкову конкретно – в мужских брюках. Плюс зеленая куртка, косынка... Слегка теряю дар речи.

– Ты почему не был на инструктаже?

– Каком еще инструктаже, Оль?

– Русин, объявления в холле вообще, что ли, не читаешь?! Мы же сегодня всей группой в поход идем, в Бородино. Забыл?

Я на минуту зависаю, а потом начинаю хохотать. Из глаз брызжут слезы.

– Поход? Бородино?!

Со стороны, наверное, мой смех выглядит несколько странно и даже истерично, но я ничего не могу с собой поделать. Заговор, стрельба, танки на улицах – только похода мне сейчас для полного счастья и не хватает! «Изгиб гитары желтой ты обнимешь нежно». Ольга хмурится:

– Я не поняла, а что в моих словах смешного?

– Ничего, не обращай внимания! – Я пытаюсь унять истерику, с трудом успокаиваюсь. Да... накрыло меня. Психика просто не справляется, да еще это СЛОВО в голове... Слишком сложный «софт» на слабый «хард» установили высшие силы.

Прикрываю глаза рукой, делаю пару вздохов. Ольга окидывает меня подозрительным взглядом:

– Ты что, передумал? Отказываешься от своего обещания?!

– Боже упаси! Как ты могла обо мне так плохо подумать?

– Тогда через сорок минут сбор в актовом зале, не опаздывай.

Недовольная Ольга уходит, а я, совладав наконец со своими нервами, иду переодеваться. Вот дернул же меня черт пообещать Ольге пойти с ней в поход! И не откажешься теперь – обидится смертельно. Ладно, не убудет от меня, в конце концов, в Абабурово можно и среди недели смотаться, а смена обстановки и пребывание на свежем воздухе мне точно не помешают. Тем более Вика и так на дачу не поедет – к экзаменам она готовится очень ответственно.

В комнате никого нет, Индус с Кузнецом на практике. Я быстро переодеваюсь в хаки – вот снова форма пригодилась, – вместо ботинок натягиваю кеды. На ходу проглатываю пару вареных яиц и кусок черного хлеба, оставшиеся от завтрака, пишу записку для Вики и спускаюсь вниз. Времени остается только-только забежать в приемную комиссию к Димону и звякнуть Мезенцеву.

Друг, увидев меня в форме, делает стойку, как волкодав, почуявший добычу:

– Опять что-то стряслось?

– Успокойся. Оля Пылесос стряслась. Помнишь, я обещал с ней в поход пойти? Пришло время платить по счетам. Записку Вике занесешь?

Кузнец неодобрительно качает головой. А потом, вспомнив что-то, тащит меня к окну и жарко шепчет на ухо:

– Лева вчера ночью слушал «голоса»... ну, ты понимаешь. Так вот: эти гады уже откуда-то все узнали и теперь несут такое, что волосы дыбом встают! – Друг закатывает глаза, пытаюсь припомнить слова Когана: – «На фоне голода и протестов трудящихся в Союзе обострилась борьба группировок в Кремле...» Дальше что-то про ожесточенную грызню кланов, которая перешла в попытку военного переворота. Во... И про бомбу в самолете они тоже уже знают.

Димон разводит руками. Я вздыхаю и смотрю в окно. Слава богу, что о стрельбе на Лубянке на Западе неизвестно, вот был бы шухер. Двойной. Вслух же говорю:

– Нет, Димыч, а чего ты ждал – что все останется шито-крыто? Это после танков на улицах Москвы и митинга на ЗИЛе, где были сотни людей?

– Да, я все понимаю, но западники-то какие ушлые!

– Они за это хорошие деньги получают. Ну, ладно, я побежал, а то меня Ольга прибьет.

Димон ехидно посмеивается:

– Крепись, старик! Мысленно мы слевой с тобой. Будем надеяться, что она там тебя не изнасилует.

– Типун тебе на язык! – Я суеверно сплевываю через левое плечо.

Воспользовавшись местным телефоном, звоню на Лубянку. В приемной Мезенцева у телефона все тот же не известный мне лейтенант Фомин. Генерала на месте нет. Подозреваю, что он сейчас в Кремле на пленуме. Ну и чудненько! Скороговоркой прошу передать ему, что я с группой ушел в поход в Бородино. Буду завтра к вечеру...

* * *

Походы – это особый вид летнего отдыха в 60-х годах. Дачи еще мало у кого есть, садоводство и огородничество считаются уделом пенсионеров. В деревню к родственникам не съездишь – выходной день-то всего один, воскресенье. И чем заняться горожанам летним выходным, на природу-то выехать хочется! Вот и устремляются воскресным утром толпы людей к ближайшим подмосковным водоемам – урвать солнышка, позагорать и искупаться. Электрички, а особенно пригородные автобусы в эти дни переполнены народом – шум, гам, детский писк. Едут целыми семьями: с покрывалами, флягами с водой и с сумками, набитыми нехитрой снедью.

А что делает продвинутая молодежь? Молодежь идет в поход. Собираются группой в несколько человек в субботу вечером, после работы, и с палатками отъезжают подальше от Москвы, выбирая те места, куда горожане с детьми на один день не поедут. Пусть далековато, зато природа там еще первозданная и пляжников нет. Времени до темноты как раз хватает, чтобы доехать, найти место, где поставить палатки, и набрать дров, на которых будет приготовлен ужин. В отличие от пляжников эти смелые отдыхающие называются дикарями, а сами они гордо считают себя туристами. Ибо их главное отличие – наличие палатки, котелка, удочки и прочих соответствующих атрибутов. Нет в личном хозяйстве палатки и котелка? Не беда! Идете в ближайший пункт проката, предъявляете паспорт, заполняете короткую бумажку, и вас обеспечивают всем необходимым инвентарем, причем за весьма умеренную плату. Советское государство с 50-х годов туризм всячески поддерживает и повсеместно рекламирует.

В нашем случае все происходит гораздо проще – инвентарь в необходимом количестве есть на складе у завхоза. А провиант по специальной заявке от университетского клуба нам выдают в студенческой столовой, так как туристические походы причислены к разряду важных

общественно-спортивных мероприятий. Да и место для ночлега нам искать не придется – в Красновидово у МГУ есть своя турбаза, переночуем там.

Лишний раз убеждаюсь, что Оля Пылесос – прирожденный лидер и организатор. Под ее неусыпным надзором группа из двадцати шумных студентов быстро превращается в хорошо слаженный отряд. Вскоре вещи и продукты разложены по рюкзакам, палатки приторочены сверху кожаными ремешками, сбоку за них же подвешены котелки и фляжки. Оля цепким взглядом еще раз окидывает подчиненный ей отряд и, не найдя к чему придраться, коротко командует:

– Вперед!

До места мы добираемся долго. Метро, Белорусский вокзал, потом больше двух часов на электричке. Но время пролетает незаметно, в дороге народ развлекает себя, как может. Девчонки хихикают и болтают о чем-то своем, женском, парни за спиной бреччат на гитаре, обсуждают прошедшую сессию и травят байки. Оля сидит напротив и разглядывает меня в упор, но я делаю вид, что не замечаю ее взглядов, а потом и вовсе прикидываюсь спящим. Наконец, она не выдерживает:

– Не понимаю, как можно спать в таком шуме...

– Послужила бы в армии, поняла, – приоткрыв один глаз, отвечаю я.

– Ты что, не спал сегодня ночью? – с подозрением смотрит на меня староста.

Я тяжело вздыхаю, начиная догадываться, что в покое она меня просто так не оставит.

– Почему не спал? Спал. Просто мы с Кузнецом поздно вчера в общагу вернулись.

– А где были?

– По заданию газеты мотались.

Я снова закрываю глаза, давая ей понять, что поддерживать этот разговор я не хочу. Но бесцеремонная староста никак не уймется, прилипла, как банный лист:

– Может, стихи нам свои почитаешь?

– Оль, я похож на клоуна, чтобы весь вагон веселить? Давай отложим это до вечера.

– Как знаешь. Но раньше тебя незнакомые люди не смущали.

– Так я по электричкам раньше и не выступал.

Ольга замолкает, недовольно поджав губы, и наконец отстает от меня. Нет, а на что девушка рассчитывала? Что я буду два дня развлекать ее?

Выехали мы в полдень, поэтому в Военно-исторический музей Бородино вполне успеваем. Там я за свою учительскую жизнь был не раз и не два. И всегда с удовольствием слушал экскурсоводов. Каждый из них рассказывает по-своему, и каждый раз я узнаю что-то интересное для себя. Вот и сейчас пожилая женщина-экскурсовод показывает исключительное знание предмета, студенты слушают ее открыв рты, не хуже школьников. И когда мы выходим из музея, долго еще обсуждают услышанное. Кто-то на память цитирует отрывки из Лермонтова, кому-то не терпится увидеть своими глазами Бородинское поле. Дружным табором мы отправляемся на место сражения.

– Тебе понравился музей? – Рядом опять нарисовалась неугомонная Оля.

– Понравился, – вежливо, но сдержанно отвечаю я.

– А в Бородинской панораме ты уже был?

Э-э... милая, на такое я больше не поведу! От тебя потом не отделаешься. Поэтому вру, не моргнув глазом:

– Конечно, был, даже два раза.

На самом деле не два, а четыре. Один раз, когда еще сам учился в школе, а три опять-таки со своими учениками как преподаватель истории. Но вот Алексей Русин там побывать так и не удосужился.

– Жаль, а то бы вместе сходили... – в голосе Ольги сквозит разочарование.

Идем молча по проселочной дороге. Жужжат шмели и пчелы, июльское солнце конкретно так припекает. Раздеваюсь до голого торса, снятые рубашку и майку подсовываю под лямки рюкзака, чтобы не натереть ими плечи. Пылесос с интересом разглядывает меня. В ее глазах появляется блеск, дыхание учащается.

– Как-то не очень прилично так раздеваться, – тихим голосом говорит староста.

– Мы же не в городе, – пожимаю плечами я.

Оля делает новую попытку завести разговор:

– А ты знаешь, я в «Советском экране» читала, что осенью здесь велись съемки нового фильма «Война и мир», представляешь?!

Представляю. И много чего мог бы тебе об этом рассказать. Но опять-таки лучше промолчу. Незаметно прибавляю ходу, чтобы вырваться в авангард. Входим в лес, и тут народ бросается собирать ягоды-грибы. Грибов, правда, пока немного – июль стоит сухой, а вот черника уже поспела. Ольга, вынужденная идти в хвосте и следить, чтобы никто не отстал и не потерялся в лесу, оставляет меня в покое.

Следующая ее атака на меня начинается после ужина на турбазе. Все, уже натрескавшись гречки с тушенкой, расселись вокруг костра и завели неспешные разговоры под чай с баранками. Парни решили вспомнить пионерское детство и испечь картошку в золе. А потом и до вина дело дошло.

– Русин, ты же у нас ближе всех к власти, рассказал бы, что там у них происходит?

– Почему это ближе? – напрягаюсь я.

– А кто у нас на сессии Верховного Совета в Кремле выступал?

– А... ты в этом смысле...

Вокруг костра воцаряется тишина. Всем хочется узнать больше, чем поведала «Правда» в своей короткой передовице.

– Да, Лех, расскажи! – Рыжий вихрастый Колька, с которым мы топали рядом от самого Бородинского поля и успели немного сдружиться, пересаживается поближе. – С чего они там наверху опять сцепились, как бульдоги под ковром? Понятно, что Никита всех достал своей кукурузой, но не настолько же, чтобы самолет его взрывать?!

Та-ак... похоже, не один Лева у нас «голоса» по ночам слушает, уж больно выражения знакомые. Нет, уж лучше я им свою версию изложу, чем они будут западную пропаганду друг другу пересказывать. Пора мне включаться в битву за неокрепшие умы двадцатилетних.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.